

Михаил Палев

Повелитель прошлого



Михаил Палев
Повелитель прошлого
Серия «Артефакт-детектив»
Серия «Частный сыщик
Валерий Тавров», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440855
Повелитель прошлого: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-45792-2

Аннотация

Саша Гардин – приятель сыщика-любителя Мечислава Булгарина – бесследно пропал, а вместе с ним исчезла и недавно появившаяся у него статуя – бронзовый воин, лежащий на пиршественном ложе, – на пьедестале которой написано «Spartakus». По легенде, Spartakus способен изменить прошлое своего владельца. Если Гардин исчез бесследно, то ниточку, ведущую к статуе, можно отыскать – есть свидетели, видевшие, как ее вывозила бывшая жена Саши. Однако Валерия клянется, что никакого бронзового воина в глаза не видела. Больше того, именно она и обратилась за помощью к Булгарину в надежде найти Гардина.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	43
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Михаил Палев

Повелитель прошлого

Светлой памяти Лэи Фархай

Глава 1

Глядя на сидевшую передо мной женщину, я вспоминал старый анекдот про фальшивые елочные игрушки: игрушки красивые, блестящие, внешне неотличимы от настоящих – но радости от них никакой.

Сидевшая передо мной женщина была очень недурна собой: стройная фигура, не выдающийся, но умело подчеркнутый бюст, стройные ноги, правильные черты лица. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не странный взгляд прозрачных, словно лед, серо-голубых глаз. Такие глаза, наверное, были у Снежной королевы. В общем, женщина она была видная, но почему-то не вызывала никаких желаний, которые по идее неизбежно должна вызывать у мужчины красивая женщина. Отсюда и возникла ассоциация с фальшивыми елочными игрушками и Снежной королевой. Впрочем, Снежную королеву я не видел, но глаза и связанное с ними неприятное ощущение казались мне знакомыми. Где я мог видеть эти глаза?

– Честно говоря, Валерия... э-э... – замялся я, не зная отчества собеседницы.

– Витольдовна.

– Да, Валерия Витольдовна... Так вот, я абсолютно не понимаю, чем могу вам помочь. Дело в том, что мы дружили с Сашей, виделись как минимум раз в неделю за субботним преферансом и покером, на дискотеках МГУ, но это было давным-давно, двадцать пять лет назад. Поэтому мне странно, что вы, Сашина жена...

– Я уже давно не его жена! – решительно перебила меня Валерия. – Вот уже пятнадцать лет. За все эти пятнадцать лет мы ни разу не только не виделись, но даже не говорили по телефону. Понимаете? А вы с ним виделись совсем недавно. Более того: месяц назад Саша звонил вам на ваш телефон. Особо отмечу: не на городской телефон, а на мобильный. Значит, вы с ним виделись последний раз не двадцать пять и даже не десять лет назад, раз обменялись номерами мобильных телефонов. Ведь так?

Она испытующе впилась в мои глаза ледяным взглядом Снежной королевы. И тут я вспомнил, где видел похожий взгляд. Это вовсе не был взгляд Снежной королевы. В одной из книг я наткнулся на большую цветную фотографию фюрера Третьего германского рейха Адольфа Гитлера. Так вот, у него были именно такие серо-голубые до прозрачности глаза и ледяной пронизывающий взгляд. Сходство было поразительное – как будто фамильное! М-да, Валерия Ало-

изовна...

– Видите ли, Валерия Ало... извините, Валерия Витольдовна... Я действительно месяца два назад совершенно случайно встретил Сашу в пивном ресторане «Дурдин». Я зашел туда после работы с коллегами, а Саша отмечал там с однокашниками юбилей выпуска, двадцать пять лет... Кстати, это он меня узнал и подошел. А я, встретив его на улице, прошел бы мимо: он полностью изменился.

– У вас характерная внешность, – заметила Валерия, оценивающе скользнув по мне взглядом. – Я даже помню, что как-то раз вас видела мельком. Вы мало изменились, лишь отрастили небольшой пивной животик и несколько полысели.

Я не знал, как отреагировать на столь сомнительный комплимент и, откашлявшись, продолжил:

– Мы с ним поговорили, обменялись мобильными телефонами, но за два месяца так и не созвонились. Вот и все!

– Нет, не все! – резко отозвалась Валерия. – Месяц назад Саша вам звонил. Не отпирайтесь: я видела распечатку звонков с мобильного Саша. Разговор был короткий, продолжался одну минуту пять секунд. Что он вам сказал?

Мне очень не понравился ее тон, и я почувствовал себя оскорбленным. Да что она позволяет себе, черт возьми?! Что это за допрос?! Надо немедленно поставить ее на место. Не в грубой форме, разумеется, – но поставить.

– Послушайте, Валерия! – решительно заявил я. – Вы са-

ми говорите, что разговор был короткий. Да, Саша неожиданно позвонил мне, но я был занят, и разговор не получился. Разумеется, мне было неудобно так сразу оборвать его, и я поинтересовался, как его дела, как здоровье... Короче, набор общих фраз. Да что еще можно сказать за минуту пять секунд?! Я попросил его позвонить позже, но он так и не позвонил. Как видите, мне скрывать абсолютно нечего. Да и с какой стати мне что-то скрывать?

– Да, наверное... – задумчиво протянула Валерия, сверля меня ледышками глаз. Но сильное раздражение помогло мне достойно выдержать этот взгляд.

Валерия закинула ногу на ногу и положила на колено ладони со сцепленными пальцами. От этого движения юбка еще выше обнажила ее безупречные ноги. Но они меня не волновали. Разве могут вызывать положительные эмоции фальшивые елочные игрушки, Снежная королева и Адольф Алоизович в юбке?

– Я так рассчитывала на то, что он вам сказал нечто важное, Слава! – с досадой проговорила Валерия.

– Увы, ничего такого! – развел руками я. – Но вы можете сказать, что произошло? С чего это вдруг вы заинтересовались судьбой своего бывшего мужа, которого ни разу не видели за последние пятнадцать лет?

– Саша исчез, – коротко ответила Валерия.

– Как исчез?! – удивился я. – Каким образом?

– Если бы я знала! – дернула плечом Валерия. – Вы были

последним, кому он позвонил. Вообще-то, ничего странного в этом нет: у Саши нет близких родственников, друзей он еще двадцать лет назад порастерял. Только коллеги по работе. Они и забили тревогу. Больше месяца назад Саша взял отпуск. Две недели назад он должен был выйти на работу, но не вышел и не позвонил. В его институте встревожились: мало ли что могло случиться с одиноким человеком. Может, он лежит беспомощный в своей холостяцкой квартире, или еще что... Надо отдать должное коллегам Саши: они обратились в милицию и настояли на том, чтобы вскрыли дверь в его квартиру. Но Саши там не было.

– Я как-то не пойму одного: если вы с Сашей не общались вот уже пятнадцать лет, то откуда все это знаете? – насторожился я. Действительно, все это очень странно!

– Вопрос в самую точку! – криво усмехнулась Валерия. Она достала пачку сигарет «Вог» и закурила.

– Неделю назад мне позвонил незнакомец и потребовал, чтобы я отдала ему вещь, которую я будто бы вывезла с квартиры Саши. Я рассмеялась в ответ и сообщила, что не была на Сашиной квартире с тех пор, как мы развелись и разъехались пятнадцать лет назад. Но он мне не поверил и сообщил удивительную вещь: дескать, меня видели свидетели, которые подтвердили, что я руководила грузчиками, которые вынесли из Сашиной квартиры бронзовую статую.

– Простите... что вынесли? – не поверил я своим ушам.

– Вот-вот! – кивнула Валерия. – И я то же самое спросила.

А он уточнил: бронзовая статуя длиной около метра, изображающая лежащего на ложе воина, на основании статуи имеется надпись латинскими буквами «Спартакус».

– Не ожидал, что у Саши может быть такой предмет обстановки, – недоверчиво покачал я головой.

– Именно! – подтвердила Валерия. – Я прожила с Сашей десять лет и знаю все его увлечения. Он не увлекался украшением интерьера, терпеть не мог все эти, как он выражался, «пылесборники». Он только книги собирал. Даже покупка нового стула вызывала целую дискуссию о ее целесообразности. Я, кстати, так и сказала настырному незнакомцу. А он сообщил, что статую Саша забрал из квартиры своего умершего приятеля, и потому это самое настоящее воровство. И я, дескать, соучастница этой кражи. Тут я не выдержала, послала его подальше и нажала отбой.

Валерия с силой вмяла сигарету в пепельницу, чуть не сломав при этом длинный ноготь о стеклянное дно.

– И что дальше? – спросил я.

– А дальше не прошло и минуты, как этот тип перезвонил и сообщил: если я в течение двух недель не верну ему статую, то к моему мужу попадет такой компромат на меня, что он меня выставит из дома голой и без всякого содержания, – мрачно сообщила Валерия, закуривая новую сигарету.

– Это реально может случиться? – осторожно осведомился я.

– Это обязательно случится, если они действительно вы-

полнят свою угрозу, – с кислой усмешкой предсказала Валерия. – Мой нынешний муж – ревнивый козел и мерзкий жмот.

Валерия нервно дернула шей, и в такт ее движению в ушах качнулись бриллиантовые серьги. Скромненькие такие, в стоимость дешевенького автомобильчика типа «Хюндай Акцент», не больше. За каждую серьгу. Н-да, похоже, что у нас с Валерией разные понятия о значении слова «жмот».

Пора было ставить точку в этом затянувшемся диалоге. Я откашлялся и сказал:

– Я вам сочувствую, Валерия, но решительно не понимаю, чем могу вам помочь.

– Мечислав! Раз я к вам пришла, то это означает одно: я уверена, что вы можете мне помочь, – веско заметила Валерия.

– Я все-таки думаю, что вам лучше нанять профессионала, частного детектива и... – начал было я, но Валерия меня решительно перебила.

– Я уже наняла частного детектива. Именно он получил распечатку звонков с Сашиного мобильника, именно он нашел вас. И он навел о вас справки. Вы успешно сотрудничаете с частным детективом Тавровым, и я полагаю, что вы с ним вдвоем сможете успешно заняться этим делом.

– Да, но... – замялся я. – Боюсь, что Тавров сочтет неэтичным отбирать дело у своего коллеги.

– Насчет этого можете быть спокойны, – усмехнулась Валерия. – Как раз частный детектив, к которому я обратилась, порекомендовал для этого дела вас и Таврова.

– Вот как? – удивился я.

– Именно так. Поэтому я прошу вас как можно скорее устроить мне встречу с господином Тавровым. Я хочу нанять его для скорейшего решения вопроса с этим наглым шантажистом. Думаю, что это не займет много времени, поскольку налицо недоразумение, – высказала уверенность Валерия.

Я лично этой уверенности не разделял: ну не из пальца же высосал свои претензии шантажист! Значит, он располагает какими-то фактами.

– Валерия! – осторожно сказал я. – У меня нет оснований сомневаться в ваших словах, но неизвестный вам шантажист наверняка действует на основе имеющихся у него фактов. Вы уверены, что не имеете никакого отношения к исчезновению этой самой статуи?

– Я не подозревала о ее существовании до тех пор, пока этот козел не позвонил мне! – с досадой воскликнула Валерия.

Хм... Я не считаю себя тонким психологом, но похоже, что Валерия была вполне искренна.

– Хорошо! Я сегодня же свяжусь с Тавровым, чтобы не позднее завтрашнего дня вы смогли переговорить с ним, – пообещал я.

– Замечательно! – воскликнула Валерия и придвинулась

ко мне, добавив доверительным тоном: – Мне очень хотелось бы, чтобы вы, Мечислав, тоже приняли активное участие в этом деле... гарантирую вам персональное вознаграждение.

При этом строгая офисная юбка, до этого почти прикрывавшая колени, от ее скользящего движения вдруг съехала сантиметров на тридцать вверх, а расстегнутая на две верхние пуговицы блузка явила передо мной то, что, по идее, должна была скрывать. Я на мгновение ощутил замешательство, но тут перехватил ледяной взгляд «а-ля фюрер» и немедленно пришел в себя.

– Спасибо, Валерия! – отозвался я, торопливо вставая. – Обещаю, что я... э-э... приму посильное участие в этом деле.

– Не забудьте: у нас в распоряжении осталась неделя, – напомнила Валерия.

* * *

Я покинул кафешку почти сразу за Валерией. Сдержав обещание, я немедленно позвонил Таврову и рассказал о перспективной клиентке.

– Шантаж? – переспросил Тавров, и я явственно представил, как он недовольно морщится: больше дел о шантаже Тавров не любил только дела о супружеских изменах.

– Зато платежеспособна, – подчеркнул я. – У нее одна серьга стоит больше, чем ваш автомобиль.

– Хорошо, давай завтра в двенадцать, – согласился Тав-

ров. – И сам приезжай, раз ты ее бывшего мужа знал.

– Обязательно! – заверил я. Затем позвонил Валерии и сообщил о назначенной встрече.

– А вы человек дела, Мечислав! – похвалила Валерия. – Извините, но не ожидала. Спасибо! Надеюсь, что вы и в дальнейшем будете так же энергичны.

Хм... Что она имела в виду? Ладно, там разберемся.

Честно говоря, дело было вовсе не в том, что я когда-то знал Сашку Гардина. Я предпочел утаить от Валерии кое-какую информацию. Пока утаить, поскольку сам только что вспомнил о ней и хотел убедиться, что она действительно представляет хоть какую-то ценность.

* * *

Сашку Гардина я знал со студенческих времен. Учились мы в разных институтах: я в Московском авиационном, а он в Физико-техническом. Познакомились же мы в общежитии географического факультета Московского университета.

Дело в том, что обычные для советских студентов начала восьмидесятых годов пьянки было удобнее проводить не в общежитии альма-матер, а на нейтральной территории. Блудущие нравственность студентов студенческие «оперативные отряды народной дружины» периодически проводили внезапные проверки в студенческих общежитиях, и организаторам «пьянок», – а под «пьянки» подпадали любые меропри-

ятия, во время коих на столе появлялась хоть одна бутылка вина, – грозило серьезное наказание: от строгого выговора с занесением в учетную карточку комсомольца до отчисления из института. Но это касалось только «своих» студентов. Если сотрудники оперотряда, к примеру, обнаруживали в туалете общаги вдрабадан пьяного студента, то первым делом проверяли его студенческий билет. В случае если это оказывался студент другого учебного заведения, то его оставляли там, где нашли: с такой находкой хлопот больше, поскольку надо вызывать наряд милиции, который и оформит официальный протокол о «нарушении общественного порядка». А кому нужна лишняя морока? Куда как проще со «своими»: изымаешь студенческий билет, передаешь с сопроводительным письмом в деканат и получаешь заслуженную благодарность от комитета комсомола института, а самое главное – прошение о преимущественном назначении стипендии или, в случае необходимости, прошение о продлении сессии. Озабоченное воспитанием студенчества руководство учебного заведения неизменно положительно реагировало на такие бумаги, так что рвение комсомольских оперативников было вполне понятно. Но «чужие» студенты руководство не интересовали и потому для увеселений общаги чужого института были куда как безопаснее. Именно по этой причине и сошлись наши с Гардиным пути-дорожки в общаге МГУ.

Как сейчас, помню: это был день рождения приятеля, студента МГУ. Примерно через полчаса после начала меро-

приятия нагрянул оперотряд, конфисковал почти все спиртное, после чего с чувством выполненного долга оперативники удалились, уводя с собой виновника торжества как «организатора пьянки» и унося пару первокурсников, успевших за полчаса «наотмечаться» до полного бесчувствия. Остальные разбежались как тараканы, и в резко опустевшей комнате остались только я со своими однокурсниками Андрюхой и Мишкой, малознакомый тогда еще Сашка Гардин и развеселая девица, успевшая спрятать под собственной юбкой от бдительных оперативников непочатую бутылку водки.

Мы распили водку в такой компании – благо закуски осталось достаточно, после чего отправили порядком захмелевшую девицу в женскую половину общежития в сопровождении Сашки. Сашка получил строгий наказ: вернуться вместе с симпатичными, веселыми и бодрыми девушками для продолжения банкета, благо Андрюха специально для этого предусмотрительно приобрел в ближайшем универсаме большую бутылку божественного югославского шерри-бренди «Мараска». Стоила бутылка емкостью ноль семь десятых литра аж двенадцать рублей пятьдесят копеек. К слову, этот напиток до сих пор продается в Хорватии и Черногории. Не скажу за Хорватию, но сейчас в Черногории указанная продукция из славного хорватского города Задара стоит около двенадцати евро – отсюда любопытствующие могут вычислить реальный курс советского рубля начала восьмидесятых годов двадцатого века.

Ждали мы Сашку часа два, за это время втроем благополучно «уговорили» весь запас шерри-бренди. Как позже выяснилось, захмелевшего Сашку «пробило» на философию, и он два часа рассказывал несчастным девушкам про особенности мировоззрения Гегеля, пока потерявшие терпение раздосадованные девушки не выставили его в коридор. Но это так, к слову...

В нашу компанию студентов МАИ Сашка вошел по следующей причине. Мы традиционно в ночь с субботы на воскресенье играли в преферанс и покер. И нам как раз не хватало четвертого человека: наш друг и партнер Олег после неудачно сложившейся для него очередной сессии безвременно покинул нас и пополнил ряды доблестной Советской армии. Сашка же любил перекинуться в обе указанные игры, а потому занял место Олега.

По окончании института, как водится, связь с Сашкой я потерял. И потому для меня полной неожиданностью явилась встреча с ним спустя двадцать пять лет в пивном ресторане «Дурдин» на Полянке.

Мы с коллегами по работе, пользуясь тем, что день выплаты зарплаты счастливо совпал с дорогим сердцу каждого работающего русского человека «праздником пятницы», позволили себе устроить душевный вечер. За соседним столиком заседала компания из примерно десятка человек. Один из них долго присматривался ко мне, затем все-таки подошел и нерешительно спросил:

– Извините... Вы Мечислав?

Я подумал было, что это один из поклонников моего творчества опознал меня по фотографии на обложке романа, и с добродушной улыбкой отозвался:

– Именно так, дружище! Хотите автограф? Нет проблем, только ручки у меня с собой, к сожалению, нет.

– Я Саша. Саша Гардин.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить сказанное. Плешивый мужик с помятым лицом любителя спиртного и солидным пивным животиком был совсем не похож на стройного аристократичного Гардина. Положим, и мне время волос на голове убавило, но мой живот вполне помещался в брюки на пару размеров меньше, чем у этого мужика. А ведь когда-то мы с Сашкой носили джинсы одного и того же тридцать второго размера, которые еще приходилось ушивать в поясе.

Эх, старина Время! Ведь мы же не ссорились с тобой, как кэрролловский Болванщик – так почему же ты к нам так беспощаден?!

– А я тебя сразу узнал! – улыбнулся Сашка. – Глаза все те же. И усы прикольные, ни с кем не перепутаешь.

Мы разговорились. Вначале, как положено, ударились в воспоминания. Затем вкратце поведали жизненные события за последние четверть века. Сашка давно развелся с женой и жил полным бобылем, а детей у него не было. Затем его на очередной тост позвала компания однокашников, с которы-

ми он «заседал» в ресторане, мы обменялись номерами мобильных. И все.

Собственно, я и не думал, что он позвонит. Но он позвонил, и в этом Валерия была права. И я не врал, когда сказал ей, что мы практически не пообщались, поскольку именно в тот момент я был на важной встрече.

И все же одну деталь нашего короткого разговора я утаил от Валерии. И позже поясню, почему утаил.

Когда Сашка понял, что мне действительно некогда, то торопливо сказал:

– Я положил в твой почтовый ящик конверт. Обязательно посмотри его и сохрани: это очень важно.

Я пообещал, но в водовороте забот сразу забыл об этом. Однако следующим вечером, открыв почтовый ящик, я обнаружил большой белый конверт с лаконичной надписью, выполненной на принтере: «Мечиславу Булгарину, лично». Вспомнив про разговор с Гардиным, я, едва войдя в квартиру, торопливо распечатал конверт. В нем оказалась стопка стандартных листов бумаги с текстом, отпечатанным двусторонней печатью на принтере. Листы были с колонтитулом и пронумерованы: на последнем стояла цифра 49. Колонтитул, кроме номера листа, содержал еще имя автора и название рукописи – «Гардин Александр. Бронзовая статуя».

Я пролистал несколько страниц. Судя по всему, это текст повести. Я почувствовал легкое раздражение: ну почему некоторые знакомые, узнав о том, что я публикующийся ав-

тор, тут же начинают докучать мне назойливыми просьбами дать отзыв на их опусы?! Ребята, я все-таки писатель, а не читатель! Вот и Гардин туда же...

Я засунул стопку листов обратно в конверт и забросил его на самую верхнюю книжную полку. Если Гардин позвонит, то порекомендую ему искать издателя. Или выложить текст в Интернет, на «Самиздат» Мошкова: там немало писателей получили путевку в творческую жизнь. А не позвонит, так значит, не очень ему и нужно.

Гардин не позвонил, и я благополучно забыл о конверте с текстом повести. И вспомнил только тогда, когда Валерия упомянула о бронзовой статуе, которую она, по утверждению неизвестного шантажиста, якобы похитила из квартиры Гардина.

А что, если Гардин написал не повесть, а что-то вроде мемуаров? Надо немедленно прочитать Сашкин текст: вдруг он содержит объяснение таинственного исчезновения как самого Гардина, так и бронзовой статуи?

Я встал на стул, достал с верхней книжной полки успешный немного запылиться конверт. Усевшись в кресло, я извлек из конверта листы с текстом и, пару раз чихнув от попавшей в нос пыли, принялся читать. По мере чтения я начал испытывать легкое недоумение, переходящее в недоверие. Вначале текст выглядел как обычная повесть «за жизнь», нечто вроде дневника одинокого стареющего мужчины, с грустью вспоминающего свою легкомысленно уте-

рянную первую и, как выяснилось, последнюю настоящую Любовь. Но то, что касалось истории бронзовой статуи, вызвало у меня нечто вроде шока.

Впрочем, судите сами.

Глава 2

Александр Гардин

«Бронзовая статуя»

Почему бывают дни, когда все идет совсем не так, как планируешь? Составляешь план на завтра, кажущийся вполне реальным и выполнимым, стараешься все учесть и предусмотреть. И вдруг на следующий день один из пунктов программы (как правило, самый важный) вдруг летит к чертям! А все остальные мероприятия идут совсем не так, как хотелось бы: нужные люди куда-то исчезают, проблемы решаются совсем не так, как нужно, а то и не решаются вообще. И в конце дня ощущаешь себя выжатым лимоном, самонадеянным идиотом и жертвой судьбы.

Впрочем, еще классик предупреждал: «Завтра – ненадежный дар!»

Еще вчера я собирался подарить себе день отдыха и расслабления в рамках личной кампании по борьбе со стрессами и депрессией. Для чего поставил в бар бутылку кизлярского коньяка «Лезгинка», купил пару отличных лимонов и положил на столик рядом с диваном «Жизнь сэра Артура Конан Дойла» Джона Диксона Карра. Заключительный аккорд – извлеченная из коробки (сбереженной с «застойных» времен) драгоценная гаванская сигара. Да, таких сейчас уже не

достать, а ведь раньше в каждом табачном ларьке продавались! Вот тебе и «застой»... Хорошо «стояли», черт подери!

Я неторопливо позавтракал, поглядывая в окно на спешащих под нудным осенним дождем прохожих и испытывая удовлетворение от того, что мне некуда спешить и уж тем более бежать под дождем. Затем закурил первую, самую сладкую сигарету и... Вот зараза! Так и есть – забыл отключить телефон!

Телефон заливался трелью. Я не хотел брать трубку, но зачем-то взял. Это был Вовчик.

– Я тебе на работу звонил, а там сказали, что ты сегодня работаешь в библиотеке. Но я так и знал, что ты дома! Я заеду к тебе, мне с тобой поговорить надо... заодно и клюв замочим! Как?

Я вначале хотел соврать, что ухожу. Или – жду женщину. Или – еще что-нибудь. Но потом вспомнил, как мало осталось на этом свете людей, которым хоть иногда хочется со мной поговорить. И предложил:

– Давай, заезжай. Но только чего-нибудь полегче возьми – пива или сухенького. А то у меня сегодня еще дела.

Вовчик поклялся, что будет максимум через час.

Появился он через час пятнадцать. Как всегда, непричесанный, говорливый и с кучей проблем. Он выставил на стол четыре бутылки «Балтики-портер» и с ходу принялся вываливать на меня свои проблемы.

Я слушал его, время от времени вставляя ничего не зна-

чащие комментарии; мы пили пиво с чипсами и сервелатом; дождь устало барабанил мокрыми пальцами по стеклу; еще один день начал ползти к своему неизбежному концу, крутя неумолимый жизненный счетчик не в нашу пользу.

Все Вовкины проблемы я знал наизусть: за последние двадцать лет он совсем не изменился. Одной из постоянных его проблем была квартирная.

Вначале Вовчик сокрушался, что приходится ютиться в коммуналке в комнатушке с родителями и сестрой. Потом родителям дали квартиру, а сестра вышла замуж, и комната досталась Вовчику. В институтские годы мы неоднократно претендовали на его жилплощадь с целью организации вечеринок и встреч с девушками. Но Вовчик сразу принимался подробно рассказывать о вредных соседях, отравляющих ему жизнь, – и в конце концов мы от него отстали.

Потом Вовчик женился и съехался с женой. И теперь последние пятнадцать лет рассказывал, как тяжело ему живется с вредной тещей, перманентно больной дочерью и вечно пропадающей на работе женой. Жена его действительно работала допоздна в какой-то фирме и получала зарплату в долларах: по сути, именно она и содержала семью.

Вовчик когда-то числился со мной в одном НИИ, даже собирался защищать диссертацию, но потом устроился по «блату» на завод слесарем-сборщиком и стал «заколачивать» в четыре раза больше, чем заколачивал, будучи инженером, – такой вот экономический парадокс эпохи «застоя»! Тогда

его жена была в декрете, а потом – в отпуске по уходу за ребенком, и Вовчик жаловался, что ради семьи ему приходится вкалывать на проклятом заводе не разгибаясь: ничего не поделаешь – сдельщина!

Теперь на заводе он уже полгода не получал зарплату и боялся, что жена в конце концов выгонит его к чертовой матери.

Правда, у Вовчика была женщина с отдельной квартирой, с которой он встречался уже года два: он называл ее «мой действующий резерв» и собирался использовать в качестве запасного аэродрома для «птицы личного счастья». Но в последнее время «действующий резерв» стал проявлять тенденции к дезертирству, что ввергло Вовчика в состояние депрессии. Он так и заявил после того, как залпом прикончил бутылку портера:

– Я в жуткой депрессии!

– Вся твоя жизнь – депрессия, – бестактно заметил я. – Сколько тебя помню, все время сокрушаешься по поводу сделанного вчера вместо того, чтобы хорошенько обдумать то, что будешь делать завтра. Вовчик, пойми ты наконец, что прошлое не изменить, а поняв – расслабься!

– Тебе хорошо говорить! – возразил Вовчик. – В отдельной квартире живешь. А я, дурак, съехался со своей тещей по глупости. А ведь была своя жилплощадь! Пусть коммуналка, но – свой угол. Эх, знать бы, как все обернется, я тогда комнату сдавал бы, денег скопил; сменял бы комнату на

отдельную квартиру, а уж потом бы – женился! Жену пропи- сывать не стал бы. Сейчас сдавал бы квартиру баксов за три- ста в месяц, и теща бы слова сказать не могла! Эх, вернуться бы в то время, – уж я бы дурака не сваял!

– Валять дурака – твое любимое занятие! – назидатель- но заметил я. – Ты бы все равно выкинул какую-нибудь глупость, потерял бы жилплощадь и сейчас бы жалел, что не съехался с женой!

Вовчик начал возражать, – и тут зазвонил телефон. Я гля- нул на часы: без пятнадцати два. Я снял трубку. На этот раз звонил мой лучший друг Андрюха.

– Намечается маленький сабантуйчик! – радостно сооб- щил он. – И, между прочим, ожидается присутствие того са- мого Льва Григорьича, с которым тебе так давно не терпится свести знакомство! Так что в три жду тебя на Полежаевке у первого вагона из центра. Давай не опаздывай!

Я положил трубку и с досадой посмотрел на пустые бутыл- ки «Балтики». Точно говорят: пиво с утра – и день потерян! Теперь вот – вечеринка. Правда, должен быть нужный чело- век – Лев Григорьевич, которого надо бы заинтересовать од- ним проектом и получить под него деньги. Но действительно ли он будет там? Мое знакомство с ним уже пару раз срыва- лось. Ну, да ладно!

А Вовчик тем временем продолжал развивать мысль:

– Самое обидное, что только теперь ясно, что именно нуж- но было сделать по-другому! Но уже ничего не изменить.

Обидно, да?

– Я тебе как-нибудь машину времени подарю, – пообещал я. – А сейчас извини, но мне пора собираться!

Я открыл кухонный пенал и достал лежащие там с незапамятных времен две коробки конфет. Одну я вручил Вовчику со словами:

– Держи! Подаришь «действующему резерву» или жене – смотря по обстоятельствам.

Вовчик ушел, а я стал бриться и переодеваться к вечеринке. Ровно в три я уже был на Полежаевской с коробкой конфет и бутылкой «Лезгинки», которую собирался распить с нужным человеком Львом Григорьевичем. Андрюха опоздал на дежурные десять минут, а через полчаса мы уже входили в гостеприимный дом где-то на проспекте Маршала Жукова.

Разумеется, Лев Григорьевич оказался занят до зарезу и не смог почтить своим присутствием мероприятие. Зато мне удалось занять место за столом рядом с привлекательной шатенкой лет тридцати пяти. Однако, в соответствии с неумолимым законом подлости, ее почему-то больше заинтересовал Андрюха.

Ну что за день такой?!

* * *

Вечеринка явно не удалась. Встреча с вожаком Львом Григорьевичем в очередной раз перенеслась на неопре-

деленный срок. «Лезгинку» мгновенно вылакали в качестве аперитива, да еще под квашеную капусту. Женщина, за которой я ухаживал весь вечер, ушла с моим лучшим другом Андрюхой. На прощание он весело и немного виновато подмигнул мне: дескать, сорри – ничего личного!

Гости мало-помалу расходились по домам. Наконец настал момент, когда хозяева еще не поглядывают в твою сторону молчаливо, но с определенным контекстом, а намек уже висит в воздухе на упруго натянутых нитях ожидания.

Я покинул гостеприимный дом одновременно с женщиной лет пятидесяти. Он пришел, как и я, один. И так же, как и я, один уходил. Мы вышли из подъезда и закурили. Торопиться было некуда и не к чему. Мы разговорились, обмениваясь ничего не значащими фразами. Наконец мужчина бросил окурок и предложил:

– Если вы не против, можно зайти ко мне и посидеть за бутылочкой. Я в двух кварталах отсюда живу. Как смотрите на это?

Я внимательно посмотрел на него. Невысокий, с большой плешью и лицом Жана Габена за день до смерти. На «голубого» он вроде не похож, время не жмет, голова не кружится, да и – скучно! Почему бы не пойти?

– Только денег у меня на метро да на пачку сигарет, – честно предупредил я.

– У меня дома все есть! – отмахнулся мужчина.

И мы отправились к нему домой.

Жил он в крохотной однокомнатной квартирке старой «хрущобы». И в холодильнике действительно стояла матовая бутылка водки «Исток Люкс», а также просматривались соленые огурчики и квашеная капуста в банке; и еще колбаска – неплохая на вид. Кроме того, я углядел торчащий из бумаги краешек ветчины, а за ним... Впрочем, о чем это я? Короче, намечалось нормальное «продолжение банкета» с хорошей выпивкой, отличной закуской и душевной беседой.

Холодильник радовал глаз содержимым – не то, что часто видишь в холодильниках холостяков: засохший до твердости алмаза кусочек эдамского сыра да пара дохлых тараканов. Зато комната поражала пустотой и неухоженностью.

В ней не было практически ничего, кроме продавленного дивана, явно принесенного с помойки облезлого стола с круглой столешницей, пары драных стульев того же происхождения и древнего телевизора «Рубин» – гордость последних пятилеток Страны Советов, стоявшего прямо на полу.

И еще – бронзовой статуи. Именно она сразу же приковала мое внимание и заставила забыть о спартанской убогости окружающего быта.

На массивном литом основании размером примерно метр на полметра, сделанном в виде пиршественного ложа, возле-

жал воин в доспехах времен Римской империи. Он опирался на левую руку, а правую положил на лежавший у бедра шлем. На основании отчетливо виднелась глубоко вырезанная латинская надпись – Spartacus.

Появился хозяин с бутылкой и закуской. Он сноровисто расставил тарелки, плеснул водки в стаканы.

– Потрясающая скульптура! – заметил я, усаживаясь за стол. – Похоже, настоящая бронза. Это изображение Спартака?

– Угадал! – ответил мужчина, грузно осев на стул, и испытующе взглянул на меня. – Кстати, он тебе никого не напоминает?

Я вгляделся в лицо бронзового Спартака. Нет, никого он мне не напоминал. Лицо странное: честно говоря, я представлял вождя восставших рабов несколько иначе... более мужественным, что ли. А здесь: безвольный рот, усталый взгляд глаз над четко очерченными мешками. Ни дать ни взять, спивающийся интеллигент.

– Нет, – мотнул головой я. – Никого не напоминает.

– Ну нет, так нет, – вздохнул мужчина, берясь за стакан. – Будем!

Выпили.

– Антиквариат или новодел? – спросил я, кивая на статую.

– Какая разница? – проворчал мужчина, жуя кусок ветчины. – Никакой разницы. Хотя, конечно, древняя. Хочешь купить?

- Да у меня таких денег никогда не было! – засмеялся я.
- Дешево отдам, – посулил мужчина.
- Тогда уж лучше подари, – пошутил я.
- Дарить нельзя! – помрачнел мужчина и поднял стакан. –

Ну, будем!

Мы выпили.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина, морщась и загребая вилкой капусту.

Я сказал.

– А меня зови Стасом, – предложил мужчина, наливая по новой. – Ну, со знакомством!

«Исток» резво бежал по жилам. Жить стало лучше, жить стало веселее.

– Ты гляди – я серьезно, – снова начал гнуть свое Стас. – Нравится – продам хоть сейчас!

– Нет! – решительно отказался я. – Тебя, как видно, приперло, а я не привык пользоваться бедственным положением других. Даже если и не антиквариат, так тут одной бронзы на солидную сумму.

– Да ты знаешь, за сколько я его в свое время купил? За сто двадцать пять рублей!

И Стас уставился на меня, ожидая всплеска удивления. Я не обманул его ожиданий. Поудивлявшись, я поддел его:

– Небось, у бабки из глухой деревни купил?

– В комиссионке! – ответил Стас. – В обычной комиссионке. Первоначальная цена была пятьсот рублей. Я думал –

сразу возьмут. Через месяц зашел – стоит! И цена – двести пятьдесят!

– Но у тебя и таких денег не было, – съязвил я.

– Шутишь! – обиделся Стас. – Я, между прочим, был известным человеком среди коллекционеров. Так что двести пятьдесят рублей для меня в то время было – тьфу! Просто когда я увидел, что цена падает, а статую не берут – заинтересовался. Вещь-то настоящая!

* * *

Вещь могут не покупать из-за явно завышенной цены, из-за сомнений в подлинности или существенных, хотя и не очень заметных на первый взгляд, дефектов. Но здесь явно был не тот случай.

И Стас поинтересовался у продавца.

– Да один чудака тут продает, – нехотя ответил продавец. – Почему не берут? Да шут его знает! Вещь хорошая, антикварная. Даже подозрение было, что античного происхождения. Но эксперт уверенно определил, что отливка недавняя. Но бронза настоящая.

– А кто хозяин? – спросил Стас.

– Не положено! – с достоинством ответил продавец. – Здесь все-таки государственный магазин, а не толкучка. Берете – платите через кассу!

– Да мне просто необходимо знать происхождение вещи.

Поговорить с владельцем, узнать подробности... Поймите, я же коллекционер, а не какой-нибудь спекулянт! – пояснил Стас и для убедительности мягким, незаметным движением опустил в карман халата продавца хрустящую бумажку.

– Возле тульских самоваров стоит мужчина в засаленном пиджаке, видите? – процедил сквозь зубы продавец, не поворачивая головы. – Это и есть владелец.

Возле витрины с тульскими самоварами действительно стоял мужичонка с испитым лицом, одетый в пиджак с засаленными рукавами и мятые брюки с лоснящимся задом.

Стас подошел к нему и осведомился:

– Прошу прощения! Это вы продаете бронзовую статую Спартака?

Мужичонка вздрогнул, повернулся к Стасу и, нервно дернув кадыком, ответил:

– Да-да, я! Вы желаете купить? И правильно! Старинная вещь, в отличном состоянии! Вы не пожалеете!

– Боюсь, для меня это дороговато, – запустил пробный шар Стас.

Мужичонка схватил его за рукав.

– Что вы?! Впрочем... я же вижу, что вы – настоящий ценитель! А это же просто сокровище! Я бы никогда и ни за какие деньги... если бы это не был для меня вопрос жизни или смерти... Короче, ваша цена?

– Сто рублей! – предложил Стас, холодея от собственной наглости.

– Идет! – немедленно согласился мужичонка и потащил ошарашенного Стаса к кассе.

– Позвольте! – пробормотал Стас. – Но надо же произвести уценку...

– К чему все эти формальности?! – возразил мужчина. – Платите! Какая там сейчас проставлена цена? Двести пятьдесят? Вот разница!

И он протянул Стасу сто пятьдесят рублей.

Почему Стас не ушел? Это сделал бы на его месте любой разумный человек. Но коллекционеры не относятся к числу разумных людей. И Стас взял деньги, выписал чек у продавца и оплатил покупку.

– Прямо сейчас заберете? – спросил продавец. – Тогда с вас еще двадцать пять рублей за доставку.

Стас заплатил двадцать пять рублей, хотя мужичонка порывался оплатить и доставку.

Пришли сонные грузчики и попытались оторвать основание статуи от пола. Статуя покачивалась, но не поддавалась.

– Да, я должен вас предупредить! – в отчаянии проговорил мужичонка, с тоской наблюдая за мучениями грузчиков. – Эта статуя обладает... короче, она позволяет своему владельцу изменить прошлое!

– В смысле?! – удивился Стас.

– В прямом смысле! – пояснил мужичонка, не отрывая глаз от кряхтящих грузчиков. – Будучи владельцем статуи, вы можете по своему желанию изменить свою жизнь с любо-

го момента в прошлом.

Грузчики наконец оторвали статую от пола и понесли. Мужичонка облегченно вздохнул и рванул к выходу.

– Пойдите, что значит – изменить прошлое? – спросил вслед ему недоумевающий Стас. – Каким же это образом?

– Вам это расскажут! – прокричал не оглядываясь мужичонка.

– Когда расскажут?

– Сегодня же!

Хлопнула входная дверь. Мужичонка исчез.

«Да он просто псих!» – с некоторым облегчением подумал Стас. И отправился домой.

Весь вечер он не отходил от статуи: любовно протирал ее салфеткой, любовался красиво очерченным телом воина, его доспехами и радовался удаче, пославшей в его руки практически даром уникальную вещь.

Когда Стас наконец улегся в постель, то еще долго смотрел на статую, пока статуя в сумраке комнаты не засияла странным мерцающим светом – и Стас погрузился в сон.

* * *

– Приношу вам свои искренние извинения, милейший, но придется вас побеспокоить. Ничего не поделаешь – служба!

Негромкий, но отчетливый голос проник в сонный мозг и дернул пелену сна с головы Стаса. Он приоткрыл глаза.

Перед ним на стуле сидел человек в черном костюме и белой сорочке с черным галстуком. Деталей Стас не разглядел из-за светившей в окно луны: только черный костюм, белое пятно сорочки и полоска галстука. Лишь силуэт незнакомца четко обрисовывался в серебристом потоке лунного света, лившегося через не полностью зашторенное окно.

Стас рывком приподнялся на кровати и резко спросил:

– Какого черта вам здесь надо?

Человек засмеялся и покачал головой:

– Ах, любезный Станислав Евгеньич! Да кто же это черта к ночи поминает?! Еще накличете на свою голову!

– Вы кто такой? – спросил сбитый с толку Стас. – Грабитель?

– Хорош грабитель! – улыбнулся человек. – Расселся и лясы точит! Нет, милейший, я не грабитель. Я – Хранитель!

– Чего Хранитель? – удивился Стас.

– Хранитель Статуи, – пояснил человек.

– А я кто тогда? – машинально задал нелепый вопрос Стас. Но человек спокойно и монотонно, словно рассказывал малышу сказку, ответил:

– Вы есть Владелец Статуи, и она в полном вашем распоряжении. Вы можете использовать ее как украшение интерьера, а можете, воспользовавшись магическими свойствами Статуи, изменить свое прошлое с любого, удобного вам, момента времени неограниченное количество раз. Наконец, вы можете ее продать, как только пожелаете. Единственное,

что вы не сможете сделать, – это уничтожить Статую или подарить ее. Отвечая же на ваш самый первый вопрос, скажу, что, как Хранитель Статуи, я обязан сообщить вам об условиях владения Статуей, а также о порядке ее использования. Что, кстати говоря, я сейчас и делаю. В заключение я отвечу на три любых ваших вопроса, касающихся непосредственно Статуи.

Тут Стас заметил, что его собеседник не отражается в висящем на стене зеркале, и с облегчением подумал: «Да это же сон! И больше ничего!»

– Нет, Станислав Евгеньевич! Это не сон, а самая что ни на есть суровая реальность, – возразил Хранитель, – уж поверьте мне!

Стас поднялся и подошел к Хранителю. Тот, не шевелясь, вопросительно посмотрел на Стаса, усмехнулся и предложил:

– Можете дотронуться до меня, дабы убедиться в полной реальности происходящего. Смелее, Станислав Евгеньич!

Стас дотронулся до Хранителя. Мужик как мужик, костюм только странноват: сейчас такие не шьют... и галстуки такие не носят... похож на городского интеллигента начала двадцатого века... Черт возьми!

Стас хлопнул себя по лбу. Да это же ряженный! Сейчас воры его квартиру чистят, а этот клоун ему тем временем зубы заговаривает!

Стас рывком выдернул из-за спинки кровати ружье-бок-

флинт и обежал всю квартиру. Никого в квартире больше не было, лишь в коридоре испуганно шарахнулся из-под ног кот Ипполит. Замки закрыты, засов задвинут, с окнами тоже все в порядке. Стас в полном замешательстве вернулся в спальню и навел ружье на Хранителя.

– А ну колись, шпана уголовная! Как сюда проник, есть ли подельники? И поживее, пока я тебе мозги не вышиб!

– Ай-ай-ай, Станислав Евгеньич, – укоризненно покачал головой Хранитель, – как вам не стыдно! Интеллигентный человек, а опустились до тюремной лексики! И стрелять вы не будете: ружьишко дробью крупной заряжено, а ковер на полу – ручной работы уникальной, не захотите вы его кровушкой пачкать. Нет?

Стас опустил ружье и сел на кровать.

– Что вам надо? – с безнадеей в голосе спросил он.

– Я вам уже объяснил, Станислав Евгеньевич! Экий вы недоверчивый, право слово! – с упреком заметил Хранитель. – Ну, да ладно! Повторюсь немного, – благо время еще есть. Итак, вы стали Владельцем Статуи и обрели чудесную возможность мгновенно и исключительно в соответствии со своим желанием изменить любой момент в своей жизни! И поступать таким образом вы можете столько раз, сколько вашей душе угодно! Впечатляет, не правда ли?

И Хранитель, негромко рассмеявшись, продолжил:

– И обратите внимание, милейший Станислав Евгеньевич, что ради такой уникальной возможности вам ничем, ну

абсолютно ничем не придется жертвовать! Не нужно продавать душу дьяволу и подписывать кровью договор; не нужно отдавать кусок собственной жизни за исполнение самого ничтожного желания, как это происходило с владельцами шагреновой кожи; не нужно сбывать магический предмет по меньшей цене, чем та, за которую он вам достался, как это было с сатанинской бутылкой; не надо задумываться о разумном использовании лимита желаний, как если бы вы имели дело с каким-нибудь джинном. Короче, все достоинства налицо!

– А как насчет недостатков? – поинтересовался Стас.

Хранитель иронически взглянул на него и насмешливо произнес:

– Осмелюсь напомнить вам, Станислав Евгеньич, что недостатки есть всего лишь продолжение достоинств! Наличие или отсутствие недостатков по сути своей явление сугубо субъективное и зависящее лишь от нашего отношения к соответствующему достоинству, продолжением коего и является данный недостаток. И не более того!

– Сами то поняли, чего сказали? – сумрачно осведомился Стас.

– Непонятно это вам, Станислав Евгеньевич! – покачал головой Хранитель и вздохнул. – А хотите знать, от чего непонятно? А от того, что вы не философ по складу ума. Вы – умный, энергичный, напористый, но – не философ! Ну, ничего... Еще станете философом, это уж как пить дать!

– Хорошо, допустим, что... что я поверил вам, – медленно произнес Стас. – Как в реальности происходит процесс... э-э... изменения прошлого?

– Предельно просто! – заверил Хранитель. – Как только вы принимаете решение изменить какой-либо момент вашего прошлого, вам достаточно подойти к Статуе, вспомнить этот самый момент и представить, каким образом вы хотели бы его изменить. Затем вы кладете руку на голову Статуи. Как только Статуя уловит ваше желание, она засияет неярким светом, и в следующий момент вы окажетесь в измененном в соответствии с вашим желанием моменте прошлого, после чего начнете дальнейшую жизнь именно с этого момента. Понятно?

– Так просто? – недоверчиво усмехнулся Стас. – Как в компьютерной игре.

– Все гениальное – просто! – позволил себе напомнить Хранитель и добавил, взглянув на большие карманные часы: – Вот и все! Теперь можете задавать вопросы. Только три!

Стас немного подумал и спросил:

– А как появилась магическая Статуя?

Хранитель рассмеялся:

– Сразу узнаю коллекционера! Прямо сгорает от нетерпения узнать подробную историю попавшего в его руки раритета. Ну что же, извольте!

Хранитель принял более удобную позу и продолжил:

– Если вы вспомните школьный курс истории, то наверняка слышали об этрусках. Этот народ, населявший Центральную и Северную Италию, задолго до римлян, еще в восьмом веке до Рождества Христова, создал высокоразвитую цивилизацию. Особенным мастерством этруски отличались в создании бронзового литья. Один из образцов их искусства вы имели честь вчера приобрести. По сути, это бронзовая пеплохранительница, предназначенная для размещения в специальном внутреннем отделении пепла кремированного покойника. Две с половиной тысячи лет назад трагически погиб этрусский юноша. Его отец был буквально раздавлен безвременной смертью единственного сына и не находил себе места от горя. Только поселившимся в душе несчастного отца безысходным горем можно объяснить тот факт, что он обратился к потусторонним силам с отчаянным призывом воскресить его горячо любимого сына. Потусторонние силы откликнулись, явившись в виде таинственного старца, который придал магические свойства пеплохранительности. Он сообщил, что покойный, чей прах будет помещен в пеплохранилище, воскреснет к новой жизни, – но не в этом, а в другом мире, – причем полностью сохранив память о своей прежней жизни. Сейчас подобные миры вы называете «параллельной реальностью». Таким образом, юноша получит возможность избежать той опасности, вследствие которой он погиб. Но это, разумеется, не страхует его от других угроз. Что любопытно, этот артефакт получил своеобразный ми-

стический сверхэффект. Когда с течением времени пеплохранительница была увезена с древнего этрусского кладбища и в силу древности превратилась в украшение интерьеров особняков и коллекций раритетов, выяснилось, что любой, кто купил или получил в наследство бронзовую статую лежащего на ложе юноши, является ее законным владельцем и может, не дожидаясь собственной смерти, изменить свою жизнь с любого момента, который он захочет изменить. Для этого ему достаточно просто представить момент своей жизни, который ему хотелось бы изменить, положить руку на голову юноши и – вуаля! Вы уже в параллельном мире, а в этом мире возле Статуи останется лежать бездыханное тело владельца. Итак, я вам объяснил принцип действия магической Статуи и ответил на ваш первый вопрос. Задавайте следующий, если есть такое желание.

– А почему на основании Статуи написано по-латыни «Спартак»? – полюбопытствовал Стас.

– Я знал, что вы об этом спросите, – улыбнулся Хранитель. – Об этом все спрашивают. Извольте! Когда в 71-м году до Рождества Христова римский полководец Марк Лициний Красс разбил войско Спартака, то было достоверно известно, что Спартак погиб в сражении, и даже известно имя воина, убившего Спартака: это был некий Феликс из города Помпеи, который в ознаменование своей победы даже украсил свой дом мозаикой с изображением последнего боя Спартака. Эта мозаика была обнаружена археологами, раскопавши-

ми погребенный вулканическим пеплом древний римский город Помпеи. Однако так же достоверно известно, что тело Спартака так и не нашли, и сей факт представлялся неразрешимой загадкой для историков. Они предположили, что уцелевшие воины армии Спартака сумели вынести тело своего предводителя и похоронить его. Предположение недалеко от истины. Необходимо заметить, что в повстанческую армию Спартака входили не только рабы, но и даже римские граждане, пытавшиеся при помощи восставших свести счеты со своими врагами. Один из таких римских граждан, потомок рода, из которого происходил тот самый этрусский юноша, предложил дать возможность своему любимому предводителю избежать гибели в новой жизни. Похищенное тело Спартака было кремировано, сосуд с прахом перенесен на древнее этрусское кладбище и помещен внутрь магической прахохранильницы. Необходимо сказать, что с возрождением к новой жизни лицо Статуи обретает черты последнего владельца или того, чей прах был помещен внутрь Статуи. Естественно, что после вышеописанной манипуляции Статуя обрела лицо Спартака. Верный сподвижник вождя повстанческой армии превратил Статую в предмет тайного культа, для чего и сделал надпись на основании Статуи, удостоверяющую, что это и было последнее прибежище Спартака в этом мире. Итак, я ответил на ваш второй вопрос».

Глава 3

Дочитав до этого места, я вдруг почувствовал непреодолимое желание отбросить листки и заняться более полезным делом, чем чтение разной ерунды. Культ «божественного Спартака»! Это надо же такое придумать! Да еще магическая статуя, призрак Хранителя... Какая-то высосанная из пальца альтернативная история!

Я уже хотел швырнуть листки обратно на полку, но тут вспомнил про требовавшего от Валерии Витольдовны возврата статуи шантажиста, про исчезновение Гардина... Это ведь не мистика, не альтернатива – это реальность. И я продолжил чтение.

* * *

«– Подождите! – воскликнул заинтригованный Стас. – Вы утверждаете, что в Италии существовал культ Спартака? Невероятно! Как это могло случиться?»

– Почему же невероятно? – пожал плечами Хранитель. – Ничего удивительного. И если вы желаете, я могу ответить на ваш вопрос.

– Разумеется, желаю! – нетерпеливо отозвался Стас.

– Ничего удивительного в таком культе нет: у древних

были весьма популярны культы героев, которых в соответствии с принятой тогда традицией обожествляли, – а Спартак, несомненно, был героем для всех, кто ненавидел по тем или иным причинам официальную римскую власть. Ну а с течением времени любой культ обрывает ритуалами. Поклонники тайного культа из числа рабов, которым вдруг удавалось обрести свободу, искренне верили, что это заслуга их обожествленного героя. Богатеи из числа вольноотпущенников делали щедрые дары тайному храму Спартака в знак признательности за то, что он помог им разбогатеть, и в надежде на то, что их покровитель поможет приумножить богатство. Культ получил распространение и в армии: legionеры, среди которых становилось все больше и больше неримлян, верили, что покровительство легендарного воина и умелого бойца Спартака поможет им побеждать и оставаться невредимыми в кровопролитных сражениях. С культом пытались бороться, как случилось позднее с последователями Христа, но adeпты культа Спартака не обладали смирением христиан и беспощадно расправлялись со своими преследователями. Поэтому ни один император не рискнул официально дать приказ об искоренении культа Спартака: каждый император знал, что некоторые преторианцы исповедовали этот культ, и потому опасались быть убитыми своей же собственной охраной. Последователи культа в целях сохранения тайны в разговорах между собой и в молитвах избегали упоминания имени «Спартак», а использовали слова «Воин» или «Боже-

ственный меч». Таким образом, существование распространённого среди легионеров, гладиаторов, вольноотпущенников и других категорий населения культа Божественного меча осталось неизвестным историкам. Так случилось в силу того, что на территории империи был всего лишь один ка-таккомбный храм, в котором и находилась Статуя и местонахождение которого было известно лишь посвященным. Эти посвященные ходили по империи, собирали пожертвования и записки с просьбами от почитателей культа. И никто, даже самые отчаянные разбойники, не смели напасть на посвященных, ибо знали: их ждет неизбежное возмездие от безжалостных адептов культа Божественного меча!

Последние слова Хранитель произнес торжественно, с нескрываемым восхищением.

– И как же исчезла такая могущественная организация? – спросил Стас.

Хранитель посмотрел на него и сказал:

– Я отвечу, поскольку это продолжение ответа на предыдущий вопрос. Все дело в христианстве. Идеи правят миром! Не сила, а идеи. Сила лишь инструмент претворения идеи в жизнь, но без Идеи Сила – ничто! Христианство несло мощнейший нравственный и идеологический потенциал, перед которым в те времена не могла устоять никакая сила. Лишь ислам смог на равных состязаться с христианством. Когда Римская империя стала христианской, воины стали молиться Михаилу Архангелу и Георгию Победоносцу. Ин-

терес к культу упал, просвещенные замуровали ходы, ведущие к подземному храму, и разбрелись, кто куда. И лишь в восемнадцатом веке храм случайно обнаружили и, как водилось в те времена, немедленно разграбили. Статую купил в антикварной лавке портового города Чивиттавекия русский путешественник и привез в Санкт-Петербург. Затем Статуя попала в императорскую коллекцию и украшала помещение одного из дворцов. После революций и Гражданской войны Статуя сменила много владельцев. Ей удалось уцелеть, поскольку революционные власти благосклонно относились к увековечиванию памяти «вождя восставшего римского пролетариата Спартака». Но никому из них не приходило в голову возродить культ Спартака – они поклонялись новым вождям.

– Это понятно, – кивнул Стас. – Новые времена порождают новых вождей. Но вот что интересно: вы не похожи ни на древнего этруска, ни на сподвижника Спартака.

– Это верно, – грустно подтвердил Хранитель. – Я коренной петербуржец, окончил в 1897 году Технологку... то есть Технологический институт.

– А как же в таком случае вы стали Хранителем Статуи? – спросил Стас.

Мрачный смех Хранителя сухими орешками раскатился по углам комнаты.

– Я бы с удовольствием ответил на ваш вопрос, – отсмеявшись, невесело произнес Хранитель. – Но это был четвер-

тый вопрос, Станислав Евгеньич. А я имею право ответить только на три вопроса. А эти правила нельзя нарушать никогда и ни при каких обстоятельствах. Ну-с, я свою миссию выполнил и, с вашего позволения, удаляюсь! Владейте Статуей, любуйтесь, пользуйтесь... Можете попробовать возродить культ Спартака! Хе-хе... Шучу, разумеется. Удачи вам в ваших трудах по изменению прошлого, паче чаяния возникнет такая необходимость. А удача вам теперь ох как нужна! Хотя вы сами об этом пока и не догадываетесь...

Хранитель подошел к Статуе и исчез. Просто растворился во вспыхнувшем вдруг вокруг Статуи сиянии, как кусок воска в кипятке, был – и вот уже нет.

Стас некоторое время сидел, пытаясь разгрести извилинами осевшую под черепной коробкой информацию. Потом лег, но сон не шел. Стас встал, закурил и отправился на кухню. Пуская дым в приоткрытое окно, он размышлял о свалившемся на него чуде и не знал – радоваться или ужасаться.

«Допустим, что это все – правда. Ну хотя бы на минуту допустим! Что тогда? Моя жизнь вроде бы и так неплохая, чтобы в ней что-либо менять. Да разве может быть плохой жизнь здорового, крепкого физически и нравящегося женщинам мужчины, не обремененного семейными заботами, которому едва перевалило за тридцать, со вполне приличным окладом на службе и увлекательным хобби, приносящим периодически весьма ощутимые денежные поступления? Да чего еще желать?!»

Однако червячок сомнения уже зашевелился где-то в подсознании. Он упорно прокладывал себе дорогу к памяти, и тут Стас вспомнил эпизод, который он очень охотно изменил бы в выгодную для него сторону. Впрочем, что значит «охотно»? Да он до сих пор до утра уснуть не может, когда вдруг к ночи вспоминает ту историю!

* * *

Года за два до покупки Статуи у Стаса неожиданно раньше времени подошла очередь на автомобиль. Была в советские времена такая очередь, – примета эпохи Тотального Дефицита. Кто-то из очередников не то умер, не то не собрал вовремя денег, не то отказался, – короче, Стасу вдруг позволили и предложили срочно выкупить автомобиль. Стас порадовался внезапной удаче – по самым оптимистичным расчетам, его очередь должна была подойти не раньше чем через год – и помчался снимать деньги с книжки. Излишне говорить, что приличная сумма ушла, как водится, на «обмывон».

Радовался Стас покупке ровно две недели. А потом ему вдруг позвонил Вениамин.

Вениамин был художником-реставратором и месяцев пять-шесть в году обычно проводил в разъездах по стране. В затерянных в глуши деревнях и забытых Богом городках он иной раз откапывал подлинные раритеты, приводил их в по-

рядок и продавал коллекционерам по весьма умеренной цене. Единственное требование, которое он выдвигал и которому неукоснительно следовал, – деньги сразу и только наличными!

Никаких авансов и кредитов он не признавал. Перед ним стояли на коленях, обещали сумму вдвое-втрое большую, но только через неделю или через месяц – но Вениамин был неумолим. Кто первый в течение суток приносил оговоренную сумму, тот и получал все. Продавал Вениамин комплектом, как продуктовый заказ в советских учреждениях: купи-жай все, что дают, нужное оставишь, а остальное – хоть на помойку выбрасывай!

Полученную сумму Вениамин делил на две части. Одну в тот же день телеграфом переводил матери во Владимир, с остальных денег немедленно отдавал долги. Обычно оставалась довольно приличная сумма, и Вениамин уходил в запой. Недели три его никто не видел, затем он появлялся – худой, пергаментно-бледный, с ввалившимися красными глазами – и одалживал у знакомых тройки и пятерки. Больше зараз он никогда не просил, хотя и предлагали. «Берешь чужие и на время, а отдаешь свои и насовсем!» – криво усмехался он и исчезал.

Но в командировках он не пил. Ни капли – даже пива! Потому до сих пор не спился, не слетел с катушек и мастерство не потерял.

Услышав в трубке голос Вениамина, Стас очень удивился:

тот не должен был появиться раньше чем месяца через два.

– Что так рано?

– Я нашел! – хрипло произнес голос Вениамина в трубке.

– Что нашел? – не понял сразу Стас.

– Монастырский деисус! Ну помнишь, я тебе рассказывал?

Стас вспомнил, как Вениамин однажды обмолвился о том, что мечтает найти деисусный чин из трех икон, когда-то находившийся в одном из северных монастырей. Деисус вывез из Новгорода один из соратников Марфы Борецкой, когда к городу уже подошли войска Ивана III, а в самом Новгороде сторонники московского князя дрались с пролитовской партией. Беглый боярин, лишившись своих вотчин, постригся в монахи и принес икону в дар монастырю. В двадцатые годы местные комсомольцы разогнали монахов, устроили в монастырском храме клуб, а иконостас сожгли. Но Вениамину удалось выяснить у немногих оставшихся в живых очевидцев вандализма, что деисус еще накануне исчез из храма – во всяком случае, все они сходились на том, что иконы деисусного чина в костер не попали. И вот...

– Ты уверен?! – осторожно осведомился Стас. Он почувствовал, как от волнения у него задрожали руки.

– Приезжай, сам увидишь! – отозвался Вениамин.

Стас немедленно помчался на квартиру к Вениамину. С трудом поймав такси – недавно купленную машину он еще не научился водить, Стас через час наконец ввалился в ма-

ленькую и донельзя запущенную квартиру Вениамина.

На засаленной, бугрящейся от выпирающих пружин оттоманке в ряд стояли три иконы. Деисусный чин: центральная, с изображением Христа, справа и слева – Богоматерь и Иоанн Предтеча. Все три явно древние, но в превосходном состоянии.

– Неужели?! – изумленно выдохнул Стас.

– Все сходится! – кивнул Вениамин. – Четко выраженная новгородская школа без малейших признаков московского влияния. Никак не позже пятнадцатого века. А сохранность – просто сказка! И это при практически полном отсутствии следов реставрации или поздних правок. Чудо! Истинное чудо!

– Сколько? – спросил Стас.

Вениамин назвал цену. Стас крикнул. Вениамин поморщился.

– Ты знаешь, вообще, сколько это стоит?! Если я запрошу настоящую цену, то ты такие деньги за всю жизнь не соберешь!

Вениамин был прав. Даже страшно было представить, во сколько раз истинная цена деисуса превышала запрошенную Вениамином сумму!

Стас лихорадочно пытался сосчитать, сколько денег осталось на книжке. Нет, суммы явно не хватало. Чертов автомобиль! Проклятая консервная банка с мотором! Но что же делать? Единственный выход – немедленно продать машину.

Конечно, ее с руками оторвут – спасибо родной партии за вечный дефицит. Но как успеть это сделать за сутки?!

– Дай мне три дня! – предпринял безнадежную попытку Стас, но Вениамин с ходу отверг его жалкие потуги.

– Ты мои условия знаешь! – недовольно бросил Вениамин. – В твоём распоряжении сутки. И не больше! Время пошло. Через двадцать четыре часа приносишь всю сумму, или – прости-прощай!

– Но такую сумму в течение суток достать тяжело! – возразил Стас.

– Петр Сергеич достанет! – отрезал Вениамин.

«Петр Сергеич! Ну конечно! У этой крысы нюх на такие вещи, да еще и куры денег не клюют!»

Стасу не удалось за сутки достать денег. Когда назначенный Вениамином срок подошел к концу, Стас принялся названивать ему домой. В нем еще теплилась надежда, но Вениамин не брал трубку, и с каждым гудком надежда таяла, как сугроб под дождем. Стас не выдержал и помчался к Вениамину.

Возле подъезда дома, где жил Вениамин, стояла «Волга». Стас увидел, как из подъезда появился сияющий, словно новогодняя елка, Петр Сергеевич. В руках он нес аккуратно упакованный в оберточную бумагу сверток. Петр Сергеевич положил сверток на заднее сиденье «Волги» и сел за руль.

Стас сделал шаг вперед, зацепился за что-то ногой и чуть не упал. Посмотрел вниз: из земли торчал кусок водопровод-

ной трубы. Стас выдернул железку. Это был обрезок длиной сантиметров семьдесят.

Мимо, рокоча мотором, проехала «Волга» Петра Сергеевича. Стас увидел его лицо совсем рядом. Петр Сергеевич ехал очень медленно, аккуратно преодолевая колдобины: берег машину. «Хорек самодовольный! Перехватил все-таки! Таковую вещь из-под носа увел!»

Стас испытал вдруг резкое, почти непреодолимое желание ударить Петра Сергеевича по голове обрезком трубы, схватить сверток с драгоценным деисусом и бежать в укромный уголок, чтобы остаться наедине с сокровищем. Желание было настолько сильным, что Стас уже сделал шаг к машине, но Петр Сергеевич резко прибавил газу, машина резво вылетела на ровный асфальт и умчалась прочь. Стас тоскливо проводил ее глазами.

Из подъезда выскочил Вениамин и почти бегом промчался мимо Стаса, не обратив на него никакого внимания. Вениамину надо было спешить: успеть до вечера раздать долги, отправить часть денег матери и уйти в запой.

Чертов алкоголик!

Стас отбросил трубу и зашагал в сторону метро.

Ночью ему снилось, что он разбивает ветровое стекло «Волги», вытаскивает из машины перепуганного Петра Сергеевича и бьет, бьет его по голове обрезком трубы, пока череп не превращается в кровавое месиво. Затем Стас хватается за сверток и убегает. Забегает в лифт, останавливает его между

этажей, разворачивает сверток и достает иконы. Он нежно гладит их древние доски – нежнее, чем кожу любимой женщины – и вдыхает трепещущими от волнения ноздрями запах старины, словно тонкий аромат духов. Счастье обладания заливаает его доверху, и он просыпается на волне экстаза, – как будто провел ночь первой любви! Но в следующий момент он осознает, что это всего лишь сон, и горькое сожаление сжимает цепкой лапой горло.

Петра Сергеевича с тех пор Стас больше не видел: тот бесследно исчез. В кругах коллекционеров глухо поговаривали, что Петром Сергеевичем заинтересовались органы, но тот якобы ухитрился переправить свою богатую коллекцию за границу и теперь живет безбедно в Швейцарии, выехав туда по купленным за огромные деньги подложным документам.

Вениамин так и не вышел из запоя: через три недели после продажи деисуса он умер от обширного инфаркта.

* * *

Именно эту историю и вспомнил Стас, сидя на кухне и дымя второй подряд сигаретой. Он вернулся в комнату и сел напротив Статуи. Он знал, что это не подлинный облик Спартака, а всего лишь лицо предыдущего владельца Статуи, хотя и совсем не похожее на испитую физиономию мужичонки из антикварного магазина, – иначе тот не смог бы продать Статую, не являясь ее Владельцем. Впрочем, Время творит с

нашими лицами престранные вещи – Дориан Грей отдыхает! Бронзовый воин, развалившись на ложе, пристально смотрел на нового Владельца, словно спрашивая: «Ну? Ты готов?»

И вдруг Стас понял: он готов. Решимость пронзила мозг, словно молния. «Вот какой момент жизни наверняка стоило изменить! Вот он, именно тот случай, терзающий его который год своей необратимостью! Ох, если бы я тогда не поторопился с покупкой злосчастливого автомобиля!»

Стасу показалось, что Статуя окуталась призрачной дымкой. Он поднялся из кресла и вплотную подошел к Статуе. Да, действительно! Статую словно окутал синеватый туман, а на голове изваяния в извивах бронзовых волос металась нетерпеливые крохотные червячки голубых молний. Стас вспомнил инструкции Хранителя и решительно поднял руку, готовясь положить ее на голову Статуи. Ну, была не была! Итак, необходимо сосредоточиться на изменяемом моменте жизни: тот роковой звонок председателя профкома, контролировавшего очередь на автомобили...

* * *

Стас закрыл глаза и положил ладонь на голову бронзового воина. В глубине души он опасался, что его пронзит удар током. Но почувствовал лишь прикосновение к необычно теплomu металлу. Затем ощутил мгновенное головокружение и в испуге открыл глаза. Вроде бы ничего не изменилось. Все

предметы обстановки остались на своих местах. Стас убрал ладонь с головы ощутимо похолодевшей Статуи и разочарованно огляделся по сторонам. Все как было! Неужели это розыгрыш? Но как же Хранитель?

Тут Стас понял, что изменилось. На стене висел ДРУГОЙ календарь. Только что там висел календарь «Автоэкспорт» с рекламой «Лады», и вдруг на этом месте появился плакат «Союзплодоимпорт» с большой бутылкой «Столичной». Стас замер, пытаясь осмыслить ситуацию. Из этого состояния его вывел телефонный звонок. Стас глубоко вздохнул и взял трубку. В ухо ворвался голос председателя профкома:

– Спишь уже, что ли? Напрасно! Тебе тут пофартило, – короче, с тебя бутылка!

– Что случилось-то? – спросил Стас, хотя прекрасно знал – что.

– Короче, появилась внеплановая «шестерка», усекаешь? И на профкоме мы решили отдать ее тебе! Деньги-то успеешь собрать?

Есть! Сработало! Стас усмехнулся, предвкушая удовольствие, и ответил:

– Спасибо, конечно, Коля, но сейчас у меня с деньгами напряженка! Так что – извини...

– Что – извини?! Я так понимаю, что ты отказываешься?! Или я ослышался?

– Нет, ты правильно понимаешь и не ослышался. Ну не могу я сейчас машину купить, понимаешь? Не могу!

– Вот тебе раз! – расстроился профсоюзный босс и закадычный друг Стаса. – Ты же говорил, что давно деньги отложил! И что вдруг?

– Так получается, извини, – коротко ответил Стас.

– Ну, расстроил ты меня, брат! Я тут на профкоме за тебя бился, как лев, ведь хотели тачку этой шалаве Эльвире отдать. Понимаешь? Я поднапрягся, позвонил кое-кому – заткнули ей все-таки рот путевкой на Золотые Пески, и – вот тебе раз! От тебя я такого не ожидал!

Стас положил трубку со смешанным и странным чувством тревоги и облегчения одновременно. Деньги он сохранил, а вот друга обидел. А ну как Вениамин не позвонит – что тогда?!

Н-да, нервное это все-таки дело – изменение прошлого!

Две недели Стас жил практически на грани нервного срыва. Он мало ел и почти не спал, выкуривал по две пачки сигарет в день.

Вениамин позвонил точно в то же время, как и в «прошлой» реальности. Стас был готов к этому событию и немедленно поехал к нему с деньгами.

– Вот это дело! – обрадовался Вениамин, торопливо проверяя пачки денег. – Уважаю тебя, Евгенийч! Забирай декус... стой! Дай я тебе его запакую аккуратненько.

Стас взял тщательно упакованный сверток, простился с Вениамином и вдруг вспомнил, что через три недели Вениамин должен умереть. Он немного помедлил у дверей и нере-

шитительно сказал:

– Ты знаешь, чего... Тебе надо пить бросать, Вениамин! Возраст у тебя такой... для инфаркта самый опасный.

– Да я что – алкоголик, что ли, какой?! – обиделся Вениамин. – Я просто как заведусь, то остановиться долго не могу. А за здоровье мое не беспокойся – тебе могу одолжить!

Стас немного постоял возле подъезда, с наслаждением закурил сигарету. Докурив, он заторопился к проспекту – ловить такси. Ему не терпелось поскорее остаться наедине со своим сокровищем!

Дома он поставил иконы на пол рядом со Статуей и долго ласкал их взглядом, сидя в своем любимом вольтеровском кресле. Потом встал и укрепил деисус в заранее подготовленном месте на стене. Потом подошел к Статуе и с благодарностью погладил ее холодную бронзовую поверхность. «Спасибо тебе, сокровище мое! Что бы я делал без тебя?!»

Бронзовый воин безмолвно возлежал на ложе: дескать, ничего особенного, просто свою работу выполняю! Обычная магия, понимаешь...

Стас каждый день с нетерпением ждал встречи со своим сокровищем, изнывая на работе и слоняясь от стола к курилке и обратно. Вечером он с радостным волнением спешил домой, вваливался в комнату, плюхался в кресло и с наслаждением созерцал древнюю простоту и в то же время тщательность и скрупулезность работы неизвестного новгородского иконописца, сотворившего образа полтысячи лет назад.

«Боже мой, какое это счастье – быть избранным для владения такой ценностью! Вот оно – счастье!»

Счастье Стаса длилось ровно месяц.

Однажды, едва он пришел с работы и не успел еще даже взглянуть на свое сокровище, как в дверь позвонили. Звонок был долгий и требовательный. Стас почувствовал, как беспричинный холодок пробежал у него между лопатками. Он на цыпочках прокрался к двери и осторожно приоткрыл заслонку на дверном глазке.

– Открывайте, гражданин Никодимов! – послышался из-за двери голос участкового. Растерянный Стас открыл дверь и в квартиру деловито ввалились милиционеры. Прижимаясь к стенке, неловко прошли двое соседей по лестничной клетке – понятые.

– Гражданин Никодимов? Вот постановление о проведении обыска!

Стас тупо глянул на протянутый листок бумаги. Он все равно ничего не мог прочитать: буквы расплывались перед глазами. Он ошеломленно пробормотал:

– А что вы, собственно, собираетесь искать?

– Похоже, что уже нашли! – сказал один из милиционеров, кивая на деисус. – Три иконы с Христом, Богородицею и Иоанном Предтечей. Так, по-моему?

Дальше все шло как в кошмарном сне. Иконы изъяли, а Стаса препроводили в отделение. Там молодой, но не по годам суровый следователь начал задавать вопросы, скептические

ски играя бровями при каждом ответе Стаса.

– Как к вам попали изъятые у вас при обыске три иконы деисусного чина?

– Я приобрел их у Вениамина... то есть у гражданина Борисова, художника-реставратора. Он может подтвердить!

Следователь двинул бровью и ответил:

– К сожалению, гражданин Борисов Вениамин Иннокентьевич ничего не сможет подтвердить, поскольку неделю назад скончался от обширного инфаркта.

«Ах да, я и забыл!» – чуть было не вырвалось у Стаса, но он вовремя спохватился – ведь следователь черт знает что может подумать! А тот тем временем продолжал:

– Советую вам откровенно все рассказать, гражданин Никодимов, чистосердечное признание может существенно облегчить вашу участь!

– Да в чем, собственно, меня подозревают?! – попробовал возмутиться Стас.

– Пока только в скупке краденого.

– Что значит – пока?!

– Здесь вопросы задаю я! – жестко разъяснил положение вещей следователь. – Работа моя такая. А вы должны на них отвечать! Вам понятно?

Стас вздохнул и рассказал о том, как купил деисус у Вениамина. Следователь задавал уточняющие вопросы: где и при каких обстоятельствах он познакомился с Вениамином, когда впервые услышал о деисусе и еще много другое.

Когда Стас закончил, следователь откинулся на спинку стула, поиграл бровями и заметил:

– Неувязочка получается, гражданин Никодимов! Вы сообщили, что гражданин Борисов вернулся на два месяца раньше, чем вы ожидали; что ничего конкретно для вас он привезти не обещал; и то, что он привез деисус, он сообщил вам только накануне вашей покупки. Так?

– Так! – согласился Стас.

– Почему же в таком случае вы за две недели до этого отказались от приобретения автомобиля, на который так долго стояли в очереди?

Стас похолодел. Да, как это объяснить?!

– Я... полагал, что Вениамин привезет что-нибудь интересное, и решил побережь деньги на этот случай.

– М-да... побережь... весьма крупную сумму... Хотя и не знали, что именно он привезет, да и привезет ли вообще. Так? И ради этого эфемерного «на всякий случай» вы отказались от приобретения автомобиля, за которым несколько лет стояли в очереди? – следователь сдержанно улыбнулся. – За какую сумму вы приобрели у покойного Борисова иконы?

Стас назвал.

Следователь кивнул.

– Да, примерно такая сумма денег находилась у Борисова на руках в тот вечер. Мы просуммировали все его расходы с того вечера и до дня смерти, сложили с теми деньгами, которые нашли у него в квартире. Расходов было немного: поло-

вину отправил матери, треть отдал за долги, ну а выпивка – так во время запоя он посуду не сдавал, так что можно точно подсчитать и эту статью расхода. Все сходится! Одного понять не могу – откуда вы знали, сколько денег Борисов запросит с вас за то, что привезет, если вы не знали, что именно он привезет? Я понятно излагаю?

– Да, конечно! Но я не мог знать, что именно он привезет!

– Но вы уже покупали у него до этого какие-либо вещи?

– Да, я же вам рассказывал.

– Да, рассказывали. И суммы каждый раз были разными, иногда различаясь на порядок! Тогда откуда же вы могли знать, сколько с вас в этот раз запросит Борисов?

– Да с чего вы взяли, что я знал, сколько он с меня запросит?! – воскликнул Стас.

– А с того, что именно такую сумму вы сняли с книжки почти за две недели до приезда Борисова! – веско заметил следователь. – Вообще, я советую вам хорошо обдумать ситуацию, в которой вы оказались. Дело по обвинению вас в скупке краденого можно хоть завтра передавать в суд. Но передавать я его пока не буду, поскольку подозреваю предварительный сговор между вами и Борисовым при совершении последним кражи.

– Какой кражи?! – воскликнул Стас. – Вениамин... то есть Борисов, сказал мне, что купил деисус у какой-то старушки!

– Гражданин Борисов похитил иконы из запасника владимирского музея, и, кстати говоря, кражу обнаружили совер-

шенно случайно, хотя он очень хорошо подготовился – даже подменил иконы копиями. Значит, готовился заранее! А когда человек готовится к краже музейных ценностей, он почти всегда действует по заказу: ведь раритет из музея в комиссионку не сдашь и на толкучке не продашь.

Следователь выжидающе посмотрел на Стаса, ожидая реакции, но реакции не последовало, и он продолжил:

– Дело было так: Борисов заранее продумал план похищения икон, заранее договорился с вами о том, за сколько вы их купите и каким образом он устроит так, чтобы кражу долгое время никто не обнаружил. Именно поэтому вам и не пришло в голову спрятать иконы – слишком уверены были в безнаказанности! Обращаю внимание, что кража была совершена из хранилища, за что по статье 89 Уголовного кодекса РСФСР полагается не менее трех лет лишения свободы. Ну а если истинным организатором кражи являлись вы, а Борисов был просто исполнителем? Организатору ведь срок положен гораздо больший! Обычно организатор получает по максимуму, что в вашем случае означает – восемь лет с конфискацией имущества. Так что подумайте! Чисто-сердечное признание – и вы всего лишь скупщик краденого, для которого можно ограничиться общественным порицанием. Будете упрямитесь – сядете как организатор кражи музейных ценностей! Ситуация ясна?

Стас кивнул, хотя, вернувшись домой, пришел к выводу, что ситуация запутана до предела. Следователь сейчас слад-

кие песни поет, – а как вдруг поступит в органы указание об очередном «усилении борьбы с кражами госсобственности»? Тогда сразу из гражданина Никодимова слепят организатора и – восемь лет таежного санатория! И ведь могут все конфисковать, – все, на что он полжизни потратил, отказывал себе во всем, любовно подбирал, реставрировал... И вот – все коту под хвост! Да, угораздило Вениамина деисус из музея умыкнуть! Да уж лучше бы он старушку ограбил – меньше дали бы. А тут – государственная собственность! Здесь государство беспощадно. И теперь вот трепещи и жди, чем дело закончится – общественным порицанием или восьмушником с конфискацией! И не сидеть ему больше в любимом вольтеровском кресле, и не любоваться древней Статуйей... Статуя!

Стас облегченно рассмеялся. Именно так! Вот его сказочный парашют, при помощи которого он может выпрыгнуть из любой безнадежной ситуации. Хрен вам, гражданин следователь! Хрен вам, дорогие товарищи судьи и народные заседатели! Хрен вам, дорогие товарищи из товарищеского суда, общественные обвинители и общественные порицатели! Теперь я неподсуден вашему суду. Я – выше вас! Вас – просто нет. Вы не существуете! Вы – ирреальны! А самая реальная действительность – это мое сознание и мое желание создать новую действительность с любой страницы.

Да, вот так вот, гражданин следователь! Не понравились вы мне, и поэтому я вас вычеркиваю из новой реальности,

которую начну писать с чистого листа, выбросив из своей жизни обстоятельства встречи с вами, как исчерканные страницы черновика.

В состоянии эйфории от внезапного облегчения Стас налил себе пятьдесят грамм коньяка и уселся в вольтеровское кресло поразмышлять: с какого момента изменить свою жизнь в этот раз.

Действительно, а как он жил все эти годы? Добрая половина жизни потрачена на охоту за редкостями. Ради них он отказывал себе во всем: в мелких радостях жизни типа поездки на курорт с обязательным и ни к чему не обязывающим курортным романом; в спокойной уверенности складывания по кирпичику карьеры – с положением в обществе, дачей, машиной, квартирой, спецбуфетом и персональной пенсией; в семейном счастье, наконец! И что он имеет теперь в награду? Угрозу лишения доброго имени, а то и свободы, главное же – лишения тех дорогих ему вещей, которым он посвятил жизнь! А сколько у него в доме ценностей откровенно сомнительного происхождения? Уж этому следователю только дай зацепку – потянется ниточка!

А с чего все это началось? Когда им овладела эта болезненная страсть к раритетам?

Стас вспомнил, как однажды, когда ему только исполнилось двенадцать лет, родители взяли его с собой в гости к дяде Жоре. Стасу не хотелось идти: как раз накануне местный заводила Гришка Самурай милостиво принял его в свою

компанию. Но отец не терпящим возражений голосом позвал его домой – переодеться в приличную одежду для похода в гости, – и Стас подчинился. В детстве он был послушным мальчиком.

Дядя Жора собрал превосходную коллекцию фарфора. Стас вспомнил, какое впечатление произвели на него старинные фарфоровые статуэтки. Это вам не мордастые киски, страхолюдные лебеди и неопознаваемые писатели, от которых ломились полки универмагов! Стас как зачарованный смотрел на галантных кавалеров и прекрасных дам, изящных балерин и чудесных зверей – творения старых мастеров.

Дядя Жора заметил это неподдельное детское восхищение и растрогался. Он подарил Стасу фарфоровую статуэтку балерины и сказал:

– Смотри, Стасик! Эта балерина стояла на каминной полке в комнате маленького князя Трубецкого. Мальчик вырос, стал декабристом, состарился, умер... его дети и дети его детей уже ушли из жизни – а статуэтка все живет и радует нас! Это очень дорогая вещь, но я дарю ее тебе, потому что верю – она станет началом твоей прекрасной коллекции. Я чувствую в тебе настоящего, прирожденного коллекционера!

Дядя Жора не ошибся: Стас стал как одержимый рыться в книгах по искусству, просиживал в читальных залах вместо того, чтобы играть на улице с ребятами. Во дворе его стали дразнить «архивариусом», – впрочем, большинство из дразнивших даже не понимали значения этого слова.

Он стал для ребят белой вороной, а таких очень не любят в детских коллективах. Его поколачивали, не принимали всерьез, а Стас все больше уходил в себя, в свой мир прекрасного, который для других был всего лишь кучей старых безделушек.

Когда он стал старше, то мучительно долго не мог найти себе девушку. А когда нашел, то быстро спугнул ее своими разговорами на антикварные темы, потому что ни о чем другом он говорить не любил, да и не умел.

Когда Стас понял, что вряд ли сможет сойтись с какой-нибудь женщиной поближе и надолго, то он даже вздохнул с облегчением: нет, женщину невозможно даже представить в его святилище – еще разобьет драгоценную китайскую вазу, смахивая с нее пыль, или испортит бесценную инкрустацию, протерев мокрой тряпкой ломберный столик княгини Волконской!

В конце концов Стас ограничил свой интерес к женщинам мимолетными встречами со случайными знакомыми да визитами к местной проститутке, принимавшей клиентов на дому и слывшей непревзойденной мастерицей минета.

Стас даже передернулся лицом, вспомнив это. Нет, теперь он знает, как надо изменить жизнь! Нужно жить как все, и тогда жить будет легко и просто. И даже если вдруг жизнь покажется прожитой зря, всегда можно утешить себя мыслью – дескать, не беда, ведь все же так живут!

Решено! Стас встал и подошел к Статуе. Устало раскинув-

шийся на ложе воин окутался синеватой дымкой: он ждал Стаса, чтобы ввести его в новую жизнь. Стас в последний раз оглянулся на вольтеровское кресло, мысленно попрощался с ним и решительно положил руку на потеплевшую бронзовую голову Статуи».

Глава 4

Я прервал чтение текста, чтобы немного осмыслить полученную информацию. Если это бред, фантазии, то весьма связные. Ладно, сделаем допущение, что статуя реально существует и есть люди, верящие в ее магические свойства. Один из них, некий Стас, даже подробно описал магическое действие статуи. Посмотрим, чем завершились его эксперименты.

* * *

«Первое, что он увидел, был узор. Узор на поблекших обоях в прихожей. Он вспомнил эти старые обои. Новые наклеят во время ремонта, когда он перейдет в восьмой класс. Потом он услышал голос матери:

– Стасик, не путайся под ногами, ты мне мешаешь!

Мать протирала пыль с большой бронзовой Статуи. С той самой: воин, отдыхающий на ложе. Странно, ведь в детстве Стаса Статуи не было, ее просто не могло быть в их квартире – в то время Статуя принадлежала совсем другому человеку. Впрочем, это было в другом мире.

– Мама, а давно у нас эта Статуя? – спросил Стас.

– Ты уже сто раз спрашивал! – вздохнула мать. – Сколько

я помню, эта тяжеленная штука все время здесь стоит. Тяжелая и места много занимает, но это наша семейная реликвия, принадлежала еще моему покойному деду... Ну, ты наденешь наконец новую рубашку? Мы и так опаздываем! Это неудобно – ведь мы обещали дяде Жоре, что будем ровно в два часа, а сейчас почти половина второго!

– Я не поеду к дяде Жоре! – сказал Стас.

– В чем дело? – удивилась мать. – Ведь ты так хотел посмотреть коллекцию фарфоровых статуэток! Что случилось?

В коридоре появился отец. Он на ходу завязывал галстук.

– Женя! – обратилась к нему мать. – Стасик не хочет ехать в гости!

– Что за новости? – нахмурился отец. – Ведь сам же рвался!

– Раньше рвался, а сейчас не хочу! Я лучше с ребятами во дворе погуляю, – упрямо заявил Стас. Он уже начал беспокоиться, удастся ли осуществить задуманное. Это взрослый человек сам себе хозяин. А кто будет считаться с желаниями ребенка?

На его счастье, из кухни вышла бабушка и вмешалась в принимавшую нежелательный оборот дискуссию.

– Что вы ребенка заставляете ехать в такую даль, через пол-Москвы, чтобы весь день сидеть в прокуренной комнате?! – напустилась она на родителей. – Пусть лучше на улице погуляет, а потом поужинает нормально! А то в гостях он крем-сода напьется и есть ничего не будет. И потом – крем-

сода портит желудок!

Отец махнул рукой и взглянул на часы.

– Ладно! Нам уже пора, мать. Выходим быстрее, а то и так опаздываем! Хочет – пусть остается.

– Так вот лучше! – удовлетворенно ответила бабушка. – Идем, Стасик, на кухню, я тебе пирожка дам. Твои любимые – с вишней!

Стас схватил пирожок и отправился на улицу, оставляя за спиной бабушкины напутствия.

Гришкину компанию он нашел на обычном месте: за кучей угля возле котельной.

– Ну, вот и Стас! – удовлетворенно заметил Гришка, поворачиваясь к своему верному другу Толику. – А ты говорил – не придет. Я своих пацанов знаю, они со мной – в огонь, и в воду, и в медные трубы! Верно, Стас?

– А то! – солидно ответил Стас и сплюнул сквозь зубы, как это делал Гришка. Сердце пело: Гришка признал его своим! Пусть теперь в школе кто-нибудь попробует к нему пристать, – Гришку все боятся.

– Значит так, пацаны, слухать сюды! – распорядился Гришка. – Сегодня потрясем Митрича из пятого подъезда. Дело верное: Митрич в день получки завсегда на рогах возвращается, наверняка даже и не узнает никого! А узнает, так кто ему поверит, пьяному-то, когда его уж раз пять с белой горячкой увозили? Помните, как он вылез на крышу, прыгал там и матерился, а потом сказал, что это он от фашистских

диверсантов отбивался?

Все помнили этот случай и дружно закивали головами.

– Так вот! – подытожил Гришка. – Возьмем Митрича на пустыре, когда он пехом от электрички пойдет. Со мной идут Толик и Стас. Стас, твоя задача – догнать бегом Митрича и вырвать у него чемоданчик, в котором он инструмент носит.

– На фига нам его инструмент? – удивился Стас.

– Я точно знаю, что в день полочки он туда деньги кладет. Лопатник он по пьяни уже пару раз терял, а вот свой инструмент он даже мертвым не потеряет! – разъяснил Гришка. – Толик подстрахует. Ежели Митрич тебя догнать станет, Толик ему навстречу выйдет и даст разок по башке. Много ли пьяному надо? Остальные будут сидеть здесь и подтвердят в случае чего, что мы тут весь вечер были. Все ясно?

Стас с восторгом посмотрел на Гришку. Как он здорово все продумал! С таким не пропадешь.

Сохрани он после временного перемещения здравый смысл зрелого мужчины, то сразу понял бы, что и план Гришкин – дерьмо, и сам Гришка – дерьмо законченное. И побежал бы Стас от этих отмороzków! И молился бы только об одном – чтобы наш гуманный и справедливый суд совершил высший акт гуманизма по отношению к своим много-страдальным гражданам и заранее приговорил бы Гришку с Толиком к расстрелу, пока они еще не успели пролить реки слез и крови.

Но двенадцатилетний Стас думал только об одном: как

поднимется его авторитет в школе и во дворе, когда все узнают, что Гришка принял его в свою компанию. Те, кто еще вчера унижал его, будут пресмыкаться перед ним; кто не замечал – будет с опаской обходить. Вот оно, счастье дворового пацана!

Они сидели, играли в карты, курили. Гришка что-то брэнчал на гитаре, поблескивая золотой фиксой. Идиллия: вожак и его стая, – верная и преданная до последнего вздоха. Кто откажется быть членом такой стаи? Только сумасшедший или патологический индивидуалист! В двенадцать лет никому не дано еще познать древнюю как мир истину: за ошибки вожака всегда расплачивается стая.

Когда настало время идти на «дело», Гришка с Толиком повели Стаса на пустырь. Гришка положил Стасу руку на плечо: то ли в знак особого расположения, то ли чтобы не сбежал.

Проходя через подворотню, они столкнулись с Ленькой Рыжим и его компанией. Гришка не любил Леньку и враждовал с ним, но трогать его опасался: Ленька был сильнее Гришки, занимался боксом и местную шпану в грош не ставил. Они прошли, не глядя друг на друга. Ленька лишь удивленно приподнял бровь, глядя на Стаса. Ленькина компания прошла уже мимо, как вдруг кто-то из Ленькиных ребят сказал:

– А давай Стаса в ворота поставим. Он прыгучий как кошка!

– Стас! – окликнул его Ленька. Стас остановился и оглянулся. Гришка с Толиком тоже остановились. Ленька подошел к Стасу, не обращая внимания на Гришку и Толика.

– У нас вратаря нет. Некого поставить – Серега ногу сломал. Может, сыграешь за нас?

У Стаса горло перехватило от неожиданности. Гришка сжал пальцы на его плече и сказал, с угрозой скаля фикса:

– Чего тебе от моих ребят надо? Он со мной, ясно?

– С каких это пор? – удивился Ленька.

– С этих самых! Так что – разошлись как в море корабли. Я твоих пацанов не трогаю и своих трогать не позволю!

Ленька смерил Гришку тяжелым взглядом и веско произнес:

– А что ты за него решаешь? У него язык есть, пусть скажет сам!

Он наклонился к Стасу и сказал:

– Ну что, Стас, пойдешь с нами? Или с ними?

Стас сглотнул слюну. Если Ленька заступится, то Гришка его, пожалуй, не тронет. А вдруг Ленькина команда проигрывает из-за него? Вообще, Стас неплохо стоял в воротах и часто брал совершенно дохлые мячи. Но вратарская удача так непостоянна!

Стас ответил, стараясь не глядеть Леньке в глаза:

– Не... я с Гришкой!

Гришка победно взглянул на Леньку. Тот пожал плечами.

– Ну, как знаешь.

И Ленкина команда удалилась.

– Молодец, Стас! – похвалил его Гришка.

– Я же говорил! – подхватил Толик. – Надежный пацан!

Стас гордо расправил плечи, задыхаясь от восхитительного ощущения собственной значимости.

Они вышли на пустырь. Гришка взглянул на часы.

– Скоро подойдет поезд. Давайте, пацаны!

Толик и Стас пошли к платформе. Не доходя до нее метров пятьдесят, они свернули в сторону и укрылись в кустах. Подошла электричка, и по тропинке потянулись редкие пассажиры. Когда основная масса людей прошла, показался Митрич. Он шел, покачиваясь и что-то напевая под нос. В руке он держал маленький чемоданчик. Вот он остановился, поставил чемодан на землю между ног: решил закурить.

Пока Митрич доставал «Беломор», дул в папиросный мундштук и чиркал зажигалкой, он остался на тропинке совсем один. Толик вылез из кустов и подошел к Митричу, держа папиросу. Митрич дал ему прикурить. Потом Толик что-то спросил, и Митрич стал объяснять, размахивая руками. Стас понял: Толик задерживает Митрича, чтобы остальные пассажиры ушли подальше. Наконец Митрич поднял чемоданчик и двинулся по тропинке к домам.

Толик сделал знак Стасу. Когда Стас подошел к нему, Толик достал из кармана мятую кепку и натянул Стасу на голову по самые уши.

– Так он тебя вообще никогда в жизни не узнает! – пояс-

нил Толик. – К тому же он тебя только со спины и увидит. И вообще, он вряд ли чего вспомнит, поскольку бухой в дупель. Ну, давай!

Стас побежал по тропинке, догоняя Митрича. Сердце колотилось с бешеной частотой, и Стасу казалось, что оно сейчас выскочит из груди, застрянет в горле и он просто задохнется от волнения. Видимо, волнение и подвело его.

Когда Стас догнал Митрича и вырвал у него чемоданчик из рук, ручка выскочила из потной ладони Стаса, и чемоданчик упал прямо ему под ноги. Стас споткнулся о чемодан и кубарем полетел на траву. Митрич схватил его за шиворот и сильно потянул. Ворот рубашки затрещал, отлетела пара пуговиц.

– Ах ты шпана, мать твою! – заревел Митрич. – Я тебе покажу, как воровать!

Стас заверещал, как заяц в зубах у лисицы. Он закрыл глаза от ужаса, и вдруг Митрич вместе с ним стал валиться на землю. Стас опомниться не успел, как оказался на траве, придавленный тяжелым и неподвижным телом Митрича. Острые стебли сухих травинок больно впились в спину, но Стас даже не мог пошевелиться. Он чувствовал, как что-то теплое течет ему на лицо, ему хотелось кричать, но для этого надо было вдохнуть воздух, а он не мог сделать и этого.

Казалось, прошла целая вечность, и вдруг тело Митрича отвалилось в сторону, и над ним склонились Гришка и Толик. Стас приподнялся и сел.

– Ты чего сделал?! – прошипел Гришка. – Он же не дышит. Ты же его замочил!

Стас увидел на руке у Толика тяжелый шипастый кастет, потом разглядел залитую кровью голову неподвижно лежащего Митрича и все понял. Он провел ладонью по лицу: так и есть – кровь!

Толик с Гришкой оттащили Митрича в кусты, затем вернулись. Гришка поднял чемодан, Толик взял за плечо впавшего в ступор Стаса и потащил его в кусты. Затем Толик, оглядываясь по сторонам, быстро обшарил карманы Митрича, а Гришка взломал замок чемодана.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Толик.

Гришка выругался и ответил с досадой:

– Около сотни! А ведь должно было быть не меньше четырехсот рублей: я же сам слышал, как Митрич хвастался – дескать, должен премию и отпускные получить! А ты нашел чего-нибудь?

– На рубль мелочи, – мрачно отозвался Толик.

Гришка снова выругался и отбросил чемодан в сторону.

– Ладно, двигать надо!

– А с ним чего делать? – кивнул Толик на Стаса. – Глянь, он весь в кровище!

Гришка оттер намоченным в ручье платком начавшую запекаться кровь с лица Стаса, замыл рубашку.

– Держи язык за зубами! – предупредил он Стаса. – А то в колонию загремишь на всю катушку. А шестнадцать стукнет

– в тюрьму переведут! Мокрое дело – не шутки, за это взрослым «вышак» положен, а малолетке точно лет десять впаяют. А проговоришься, – так считай, что ты уже на том свете: нам с Толиком терять нечего! А дома скажешь, что играл у ручья, упал в воду и нос себе разбил. Я пацанов предупрежу, они подтвердят в случае чего. Ничего не бойся, пока ты со мной – я своих в беде не оставляю! Только язык за зубами держи – и все будет в порядке. Понял?

Стас не помнил, как добрался домой. Бабушка открыла дверь, но так как в прихожей вдруг очень кстати перегорела лампочка, то объяснений не потребовалось. Бабушка заспешила на кухню разогревать ужин для ненаглядного внука, а Стас остался в темной прихожей.

Что делать? Как быть дальше? Ему вдруг захотелось сбегать на край света от Гришки с Толиком и от страшной тайны, которая вдруг связала их вместе. Теперь он до конца жизни будет зависеть от них! Кто защитит его от Гришки с Толиком?

Ну а если бы он не пошел с ними? Надо было идти с Ленькой играть в футбол. Тогда ничего бы не случилось. Да, конечно! Только Ленька и может защитить его от Гришки!

Стас даже рассмеялся от облегчения. Ну конечно! Рядом с Ленькой он спокойно может сказать твердое «нет» Гришке и его шпане.

Бронзовый воин с готовностью уловил его желание: Стас заметил, что Статуя окуталась едва заметной призрачной

дымкой. Воин был готов отправить своего Владельца в новую, правильную и счастливую жизнь.

– Стасик! – позвала с кухни бабушка. – Иди ужинать! Иди скорее, а то остынет!

– Сейчас, ба! – отозвался Стас. Он закрыл глаза и положил ладонь на голову бронзового воина.

* * *

Когда Стас открыл глаза, то увидел прямо перед собой лицо Леньки. Тот с улыбкой посмотрел на Стаса и спросил:

– Ну что, Стас, пойдешь с нами? Или с ними?

Стас посмотрел на Гришку и шагнул к Леньке.

– Конечно, с тобой, Лень!

Гришка задохнулся от возмущения.

– Ах так, шкет?!

Он протянул было руку к Стасу, но Ленька встал между ними и угрожающе предупредил:

– Ша! Он же тебе сказал, что он – со мной.

Гришка сплюнул и сказал, зловеще блеснув фиксой:

– Ладно, еще сочтемся!

Ленька положил руку на плечо Стаса.

– Не бойся его. Мы тебя в обиду не дадим. Пошли!

Импровизированное футбольное поле находилось на том же пустыре, по которому проходила тропинка к железнодорожной платформе, только по другую сторону ручья. Трава,

конечно, почти полностью была вытоптана, и ворота были меньше, чем настоящие. Зато пространство у ворот засыпано мелким речным песком, поэтому там всегда было сухо. Песок не давал юному вратарю больно ушибиться или безнадёжно испачкаться во время броска на мяч, а относительно небольшие размеры ворот позволяли Стасу свободно допрыгивать до верхней перекладины. Реакция и прыгучесть у Стаса действительно были отменные, поэтому в ворота он встал со спокойной душой: он верил в свои вратарские качества и мог противостоять здоровенным нападающим, – даже тем, что выше его на голову.

Единственное, что расстраивало: первый тайм ему придется играть против солнца. А солнце не спешило заходить. Оно неторопливо двигалось по небу, слепя Стаса: не помогало даже низко надвинутый на лоб козырек кепки. Кепка к тому же была Ленкина, слишком большая, и Стасу постоянно приходилось ее поправлять.

Солнце и было во всем виновато. Вначале Стас взял два довольно опасных мяча, но вот третий... Из-за солнца Стас даже не увидел момента удара. Он только уловил какое-то движение и метнулся инстинктивно в дальний угол, но мяч пошел в ближний. Стас поднялся, сплевывая песок, и посмотрел за ворота. Конечно, никакой сетки на воротах не было, и с силой пробитый мяч исчез за кустами.

Ленька с укоризной посмотрел на Стаса. Да, конечно, надо было держать ближний угол, потому что сам Ленька успел

встать в дальний, подстраховывая вратаря. Только Стас этого вовремя не заметил. Все солнце, будь оно неладно!

Ленька подошел к Стасу и похлопал его по плечу.

– Ладно, бывает... Давай за мячом, быстро! А то время идет, а нам еще отыгрываться надо.

Стас кивнул и побежал за кусты. Сразу за кустами началась дорога, а на той стороне дороги, прямо на бровке, и застыл мяч. Ишь, куда закатился!

Стас начал спускаться к дороге и вдруг увидел, как с той стороны ручья по тропинке ему наперерез бегут две фигуры. Это были Гришка с Толиком. Конечно, они вовсе не бежали наперерез Стасу – они скрывались с места преступления, а Стас просто оказался у них на пути из-за злополучного мяча.

Стас хотел вернуться и отсидеться в кустах, пока Гришка с Толиком не пробегут мимо. Но команда ждала мяч: нужно было срочно отыгрываться. И Стас, опасливо поглядывая на поворот, побежал к мячу. Он подобрал мяч, оглянулся и поискал глазами своих недругов. Но их нигде не было видно, и Стас заспешил обратно, тем более что из-за поворота донесся шум приближающегося грузовика.

Стас успел проскочить перед грузовиком. И в тот же момент из-за кустов выскочили Гришка с Толиком. Они просто срезали угол и столкнулись нос к носу со Стасом. Сердце у Стаса упало – вдруг Толик ударит его своим страшным кастетом? Но Толику было не до того: он только что впервые в жизни убил человека, и даже такому подонку от этого было

немного не по себе.

А вот Гришка вспомнил про свой пошатнувшийся авторитет. Но и он не стал останавливаться, а просто резким движением ударил Стаса в солнечное сплетение. Дикая боль пронзила не ожидавшего удара Стаса, и он повалился на асфальт. А затем эту боль поглотила еще более страшная, ставшая совершенно невыносимой, и Стас провалился в темноту, так и не успев осознать, что произошло.

* * *

Первое, что он увидел, очнувшись в больничной палате, – глаза мамы.

– Как ты, сынок? – спросила она, глядя Стаса по голове.

– Левая нога болит, – ответил Стас, и мать разрыдалась.

– Ну чего ты, ма! – приподнялся он на локтях и осекся. Там, где должна была быть левая нога, не было ничего. Ужасаясь своему открытию, Стас медленно оттянул одеяло. Мать со слезами на глазах следила за ним. Вместо левой ноги осталась перебинтованная культя – сантиметров тридцать от бедра.

Потом пришел врач. Сидел, разговаривал. От него Стас узнал, что левую ногу выше колена в клочья размолот тяжелогруженный грузовик, под колеса которого он упал, отброшенный на дорогу Гришкиным ударом. Стаса вовремя нашел Ленька и остановил кровь жгутом. Водитель грузовика

сразу отвез Стаса в больницу, и ему удалось спасти жизнь. Суд оправдал водителя, а Гришка с Толиком уже сидели в тюрьме: правда, их собирались судить не за Стаса, а за убийство Митрича. Конечно, хорошо, что этим отморожкам велят на полную катушку, – только ведь нога у Стаса от этого не вырастет.

Вначале Стаса охватили ужас и безысходность. Но потом он вспомнил про Статую, – и успокоился. Медсестры и врачи восхищались: «Какой мужественный мальчик!» – и наперебой жалели его, подкармливали гостинцами, а Стас лишь улыбался в ответ и с нетерпением ждал возвращения домой, размышляя, с какого момента он теперь начнет новую жизнь.

Действительно, а с какого? Наверное, надо начать с самого счастливого. Стас стал вспоминать самый счастливый момент и вдруг с удивлением обнаружил, что лет до семи его жизнь проходила как сплошное ощущение счастья! Жизнь была полна радости, пока ее не отравили школьные мучения и жестокие обычаи дворовой шпаны. Единственной экстерриториальной зоной, свободной от несправедливостей и жестокостей окружающего мира, была песочница, где все конфликты легко разрешались при помощи любящей мамы.

Стас принял решение. Да, надо уйти в солнечный рай раннего детства, где будут они вдвоем с мамой. И он будет жить в Детстве вечно, и вместе с ним всегда будет молодая и веселая мама, которую он никогда больше ничем не огорчит.

Мать привезла его домой на такси и заботливо поддержи-

вала под руку, пока он неумело взбирался по лестнице на костылях. Стас краем глаза видел ее лицо; он видел, как за время его пребывания в больнице мать осунулась и постарела; видел разбежавшиеся от уголков глаз морщинки, и легшую под глазами синеву, и проблески седины в пышных волосах. И он с нежностью думал: «Ничего, мама, ничего! Я верну при помощи Статуи то время, когда нам с тобой было так хорошо и спокойно, когда я ничем тебя не огорчал!»

Дома мать кинулась укладывать его в постель, но Стас мягко отстранил ее и возразил:

– Мам, я уж в больнице належался! Сделай-ка мне лучше чайку, а я пока похожу на костылях по квартире, освоюсь.

Мать заспешила на кухню, а Стас остался наедине со Статуей. Бронзовый воин, откликаясь на желание Владельца, затуманился призрачным сиянием, хорошо различимым даже при свете дня. С кухни донесся голос матери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.